

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

КРЫМСКИЙ МОСТ

Александр Лапин

Крымский мост

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лапин А. А.

Крымский мост / А. А. Лапин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-4444-5268-4

«Крымский мост» – это роман-путешествие сразу в трех измерениях – в пространстве, во времени и в лабиринтах человеческой души. Олег Мировой идет по жизни с гордо поднятой головой. Морской офицер, он всегда смотрел в лицо опасности, оставался верен присяге и долгу. Когда все в стране перевернулось с ног на голову, сумел и устоять, и выстоять. Безупречная репутация, процветающий бизнес, надежные партнеры, любовные приключения. Но в один далеко не прекрасный день все рухнет. И в один миг успешный и вроде бы счастливый человек поймет, что успех его – не более чем призрак. И поймет, что нужно все начинать сначала. С чистого листа. Он отправится странствовать по миру в поисках Света и простых истин, на которых с незапамятных времен стоит человеческая жизнь. Масоны и тамплиеры, Древняя Спарта и вневременной Афон, революции русские и французские, короли, генсеки и президенты – каких только «верстовых столбов» не выставит прихотливая Судьба на его пути к самому себе. Читателю, готовому разделить с героем все тяготы и все триумфы этого путешествия, никогда не будет скучно. Каждый, кому это странствие окажется по силам, перевернув последнюю страницу романа, согласится с автором и его героем: человек человеку не обязательно либо друг, либо недруг, но всегда – учитель.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-5268-4

© Лапин А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Лапин

Крымский мост

Роман-путешествие: в пространстве, времени и самом себе

Часть I

Сын вдовы, внук вдовы

I

Это его мир. Мир Гагтунгра¹. В этом мире нет любви. И нет пощады.

Бунтующий лиловый океан, раскинутый от горизонта до горизонта. А над ним владыка мрака и ночи. Черные крылья стремятся охватить весь ближний космос, в котором то вспыхивают, то гаснут звезды, проплывают газовые туманности и выбрасывают триллионы кубометров вещества протуберанцев.

Лицо его серое. Взор дьявола из тьмы обращен на маленькую хрупкую голубую планету, где идет вечная битва.

Оттуда он черпает гаввах – энергию, излучаемую человеческими страданиями. И ждет того часа, когда на планете вспыхнет огонь последней битвы.

Тогда планета взорвется, разлетевшись на мелкие куски, и выбросит в космос такую вспышку гаввах, которая даст ему силы устремиться ввысь, к сердцу этой вселенной, чтобы вместе с Люцифером и другими демонами овладеть ей.

* * *

Гигантский энергетический спрут со щупальцами, похожими на щупальца кальмаров, распростерся по всей поверхности планеты. Из космоса он похож на огромного черного паука, оплетшего своими сетями всю Гею.

Это великий демон державности – уицраор Соединенных Штатов Америки Стэбинг.

Он господствует в этом мире, называемом Энрофом. А ведь еще каких-то два десятка лет назад ему казалось, что борьба с красным жругром, третьим уицраором России, будет вечной. Этот сверхнарод в двадцатом веке силою своего духа и ценой невероятных усилий породил такого монстра, перед которым падали ниц и уползали, бесшумно убирая щупальца, все другие демоны великодержавия.

Жругр питался благоговением перед государством, его мощью и силой, насаждал культ вождей, жгучую ненависть к врагам и мессианство.

И русский сверхнарод питал его, пока было чем.

Казалось, одолеть жругра не сможет никто и никогда. Но третий великий уицраор России, уже подмявший под себя половину мира, погиб от собственной алчности. Надорвался в борьбе с демиургом сверхнарода. Поглотив все жизненные силы людей, жругр рухнул вместе

¹ Здесь и далее мистическая терминология относит читателя к философско-религиозному труду Даниила Андреева «Роза мира».

с той государственностью, которую должен был охранять. Рухнул и похоронил под обломками страну.

В ужасе наблюдал русский сверхнарод, как рушилась империя, управлявшая доброй половиной мира, как корчился в судорогах умирающий жругр, родившийся еще в годы Гражданской войны.

А отпочковавшиеся от умирающего гиганта жругриты, обхватившись щупальцами, переплелись в смертельной схватке, в которой победитель получил в награду сердце третьего уицраора России.

Стэбинг довольно наблюдает за вверенной ему планетой. Иногда бывают и небольшие возмущения. Но в такие моменты спрут двигает щупальцами. И из присосок и бородавок, уродливо расположившихся на теле Земли, вылетают сверхзвуковые самолеты. Бомбят, наводят ужас на непокорное население.

И все стихает. Только поднимаются в космос новые потоки гавваха.

Задача Стэбинга сегодня проста и понятна. Он, в облике которого есть что-то от тигра, должен дожидаться, когда окончательно иссякнет психоизлучение человеческих масс. И тогда он завладеет оставшимся наследством умершего гиганта.

Впрочем, куда ему торопиться? Теперь, когда у сверхнарода нет защиты русского уицраора, он установил всемирную тиранию.

А игвы делают все, что надо.

Стэбинг, наслаждаясь картиной, наблюдает, как выползшие откуда-то из глубин шраптелов игвы, черные и мутные, вместо того чтобы питать уицраора России питательной росой, сами поглощают энергию, причитающуюся ему.

Русские сегодня уже разделены, рассеяны по нескольким государствам. Над их сознанием трудятся его помощники. Возращивают в людях ненависть, презрение к своему прошлому, возвеличивают предателей и продажных вождей. Скоро люди начнут массово отказываться от своей истории, идентичности, языка. Надо только ждать, когда колос созреет. А потом начинать жатву.

Они уже дважды в этом веке наказали себя. Теперь предстоит последняя битва. Когда они сами начнут уничтожать друг друга.

Впрочем, уже сейчас сам Гагтунгр доволен Стэбингом. Гаввах идет хорошо. И не надо начинать кровавой бойни. Миллионы умирают и так, от создавшейся безысходности, страха, ненависти, которую сеют игвы.

Наследник, трехцветный четвертый жругрит, высосавший из сердца кровь своего отца, слаб. Игвы травят его, загоняют в угол. Его человекоорудие заражено ядом страха. И вряд ли когда посмеет выступить открыто против Стэбинга и Гагтунгра.

* * *

В черной крепости Друккарг томится Душа России Навна. Третий, красный жругр так замуровал ее в каменном мешке, что голос ее почти не слышен. Только чуть голубоватое свечение идет из-за циклопических стен.

Навна выражала то, что объединяло русских в единую нацию. То, что звало их души ввысь, что создавало искусство России, его неповторимое благоухание. Она когда-то была связана миллионами нитей с душой каждого русского. И эти души питали ее.

Теперь большинство нитей разорвано, спутано. И только отдельные, истово верующие еще поддерживают жизнь общей русской соборной души.

И напрасно ослабевший в битве с красным уицраором демиург России Ярсвет призывает расколотый сверхнарод выполнить свою великую миссию.

Дух народа, воля к борьбе иссякают. И впереди только бесславное существование на осколках распавшейся империи. Только безысходные попытки отнять у прожорливых порождений тьмы – игв и раруггов – богатства своей страны.

* * *

Немигающий взгляд Гагтунгра ищет, ищет на поверхности земли того, кто мог бы еще изменить ход событий. Это высокий дух, который спустился из небесной страны в Энроф, для того чтобы вызволить из Друккарга Навну.

Но все пошло не так. Верные слуги Гагтунгра сбили его с пути, окутали словами, как сетями, не дали раскрыться в нем цветку Розы. И теперь он, прельщенный, погибает в душной атмосфере распада народного тела.

Сам Гагтунгр испытывает даже нечто вроде удовлетворения, когда видит эту высокую монаду, когда-то ускользнувшую от него, совершив великий подвиг духа.

Теперь игвы ведут ее к бесславному концу существования в Энрофе. Подталкивают, надеясь на то, что тот, кто способен подняться так высоко к небесам, теперь упадет так же низко, на самое дно...

II

Гигантским черно-белым айсбергом вырастает из тумана приплывший из какого-то другого мира корабль. Это американский круизный лайнер «Нью-Амстердам».

Его черный корпус стальной глыбой возвышается над стеклянным зданием морского вокзала Петербурга. А похожая на ступенчатую пирамиду белая надстройка в одиннадцать палуб теряется в белесом тумане.

Картина сюрреалистическая и завораживающая.

Черный с белыми кожаными сиденьями, полноприводный тюнингованный «мерседес» Олега Мирового подъезжает к КПП. У шлагбаума их останавливает бестолковый охранник в черной чоповской робе с синей надписью на спине и желтой биркой на груди. Он как елка обвешан «атрибутами власти». Рацией. Резиновой палкой на ремне. Связками ключей. Свистком. Наручниками.

Мирового такие всегда раздражают. Ну, понятное дело – пенсионеры. А это здоровенные молодые мужики. Бездельники. Им бы землю пахать.

Пока Андрюха объясняется с быдлом, Мировой отстраненно сидит, не вступая в дискуссию. Считает ниже своего достоинства.

«Ведь видел же, скот бессмысленный, на какой машине я приехал. А все равно кочевряжится. Русской свинье дай хоть самую мизерную власть, она тут же начинает строить из себя что-то важное. И хрюкать».

Так же молча он показывает им посадочный билет на теплоход. Проезжают.

В морвокзале пока пусто. Он специально приехал пораньше, чтобы случайно не встретить никого из знакомых. Как говорится, береженого Бог бережет.

Теперь надо пройти пограничный контроль.

Олег Мировой на ходу оглядывает кабинки – ищет пограничника-мужика. В последние годы, когда на службу начали принимать баб, он имел с ними несколько неприятных инцидентов.

В последний раз была прыщавая девка. Он подумал, что у нее, должно быть, что-то не в порядке с гормонами. А она, видимо, считала его мысль. И, курва, сучка крашенная, мурыжила его на границе минут двадцать. Так и этак разглядывала его паспорт. Судя по всему, искала повод, чтобы прицепиться, задержать.

Почти такая же история приключилась с ним в Британии. Там он удивленно, «не так» посмотрел на маленькую, похожую на морщинистую обезьяну, индуску.

И история повторилась. Она с пристрастием начала задавать вопросы. Потом позвала начальника смены. Хорошо, тот оказался белым. Англичанином.

Был случай и в Германии. Молодой белотелой немке-полицайке не понравилось, что он сразу выложил на стойку все необходимые для въезда бумажки. Потому что знал – сейчас она спросит обратный билет. Потом ваучер на гостиницу. Цель приезда. Ну и так далее. А он, опытный путешественник, сразу ей все и выложил.

Женщины и власть – это опасное сочетание. Но с этим приходится считаться.

Так что, вздохнув, он направляется к первой попавшейся кабине. Молча подает документ. Безразлично здороваётся. И, стараясь не проявлять на лице никаких эмоций, ждет, пока роскошная блондинка отсканирует страницы его биометрического паспорта, считает на экране монитора нужные ей метки и, наконец, шлепнет печать.

Его всегда поражает бессмысленность того, чем занимаются эти люди. Все прекрасно знают, что у страны с девяното первого года нет постоянно охраняемой границы. Тысячи километров бескрайних степей и гор предоставляют возможность любому желающему – преступнику, наркоторговцу, контрабандисту – беспрепятственно проникнуть в Россию. Миллионы мигрантов без всяких на то прав и документов въезжают в страну. Но эти «роботы», сидящие в окошках, продолжают все так же тупо исполнять свою бесполезную, никому на самом деле не нужную работу.

«Представляю, как они нас ненавидят. Богатых, успешных, тех, кто путешествует на шикарных лайнерах. Впрочем, что ж говорить. Они нас не любят. А мы их презираем!» – думает он, шагая по длинному пирсу.

Лайнер изнутри – словно обитая бархатом, полная ювелирных украшений шкатулка.

Он шагает по коридорам следом за стюардом, который катит его чемодан. По ходу нащупывает в кармане купюру номиналом в пять евро. Это вечная проблема: что дать холую? Сейчас все живут с кредитками, и наличных денег с собой обычно нет. Но бывают моменты, вот как сейчас. Поэтому перед каждой поездкой за границу верный водитель Андрюха едет в банк. И там меняет крупную купюру.

А тем временем улыбчивый белозубый смуглолицый малаец прикладывает электронный ключ к замку. Открывает дверь. Заносит чемодан в каюту. Кладет его на специальную деревянную подставку.

Мировой протягивает ему денежку. Тот улыбается и, по-английски глотая звуки, произносит что-то вроде «всегда к вашим услугам».

Олег проходит внутрь каюты и останавливается, весьма довольный своим выбором. Он, конечно, давно уже знает, что по чем. Знает и градацию кают на лайнерах премиум-класса.

Чем выше находятся апартаменты, тем престижнее считается проживание в них. Его палуба десятая. Выше только еще одна.

Имеет значение и класс каюты. Самые дешевые – внутренние, не имеющие окон и находящиеся внутри лайнера. Потом с окошками. Эти уже будут на сотню долларов дороже. Затем каюты с собственными балкончиками. А на лайнерах класса «люкс», как на этом, имеются и съюты, и пентхаусы.

На этот раз он остановился на съюте с балконом, расположенном ближе к корме.

Он прошелся по номеру, чтобы проверить, не накололи ли его давние партнеры – продавцы туров из фирмы «Виа-Марина».

Все было в порядке. Двухспальная кровать сверкала идеально белыми простынями. Пять мягчайших (черт его знает, чем они их наполняют) подушек аккуратно и строго были выставлены уголками. Уютный диванчик. Фрукты, цветы и бутылка, судя по этикетке, качественного вина ждали гостя на столе.

Он заглянул и в ванную комнату: сверкающие унитаза, биде, душ и ванна тоже успокоили его придирчивый взгляд.

Мировой, освоившись, постоял перед зеркалом в ванной комнате. Оттуда на него смотрел худощавый, по-мальчишески стройный мужчина лет сорока пяти. Без единой седой волосинки в роскошной копне светлых волос.

Из-под черных взлет бровей – признак породы – на него немигающе глянули синие строгие глаза.

Лицо абсолютно правильное, слегка округлое. Губы пухлые, маленькие. Еще не успели властно опуститься. Одет просто, но одновременно элегантно. И главное – все вещи фирменные, самого высокого класса.

Постоял. И пошел переодеваться. Снял свои коричневато-красные дорожные ботинки. Достал из чемодана шлепанцы, тоже украшенные фирменным лейблом. Надел их и, отодвинув стеклянную дверь, шагнул на свой балкон. И тут, как говорится, наконец удивился. Как бывший моряк, он знал, что на каждом судне строго используется каждый сантиметр площади. А здесь была прямо взлетная площадка, на которой стояли столик, два кресла и два больших черных пластмассовых лежачка с мягкими матрасами.

Мировой постоял несколько минут, опершись на деревянный поручень. Посмотрел, как внизу через вокзал подтягивается народ. Идут с чемоданами на колесиках. Несут тяжелые сумки.

Это заходят на лайнер пассажиры из России.

Но ее пока не было. И он решил: «А чего сидеть тут в каюте? Пойду прогуляюсь, посмотрю!»

Как человек систематический Мировой начал осматривать корабль с верхних палуб.

Он прошел по длинному коридору до шахты лифта.

Легкая мелодия известила, что лифт прибыл. Двери открылись.

Олег с удовольствием обнаружил, что лифт не только большой, но еще и зеркальный. А зеркала создают дополнительное ощущение увеличенного пространства. Для него это важно. Очень важно. Потому что он – такой спортивный, целеустремленный и одновременно современный человек – страдает от клаустрофобии. Заработал он ее в далеком прошлом, которое напоминает о себе таким экзотическим способом.

Он вошел в кабину пустого лифта. И нажал кнопку самой верхней палубы.

Наверху было просторно. Дек номер одиннадцать оказался открытой палубой, с которой сейчас была видна панорама его родного Петербурга. Отсюда, с высоты многоэтажного дома, виднелась набережная Невы. Величественные мосты. Бело-зеленый Зимний дворец.

«Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, береговой ее гранит...» – мысленно произнес Мировой стихи великого Пушкина.

Он обошел верхнюю палубу лайнера. Здесь было все необходимое для отдыха: крытый бассейн со сдвигающейся крышей на случай непогоды. Купели-джакузи. Легкие белые лежаки.

Его внимание привлекла сиротливо лежащая на пустом лежаке книга. Старинная такая книга, в красно-коричневом плотном кожаном переплете с двуглавым орлом и портретом впечатлительного юноши с печальным лицом и смешным хохолком на голове. Называлась она «Император Александр I. Его жизнь и царствование». Мировой взял ее в руки. И удивился: «Как она сюда попала, эта книга? Кто ее принес? Зачем? Почему? И оставил на пустынной палубе...»

Он забрал ее с собой: «Почитаю».

Путешествие по «райскому острову» продолжалось. Олег спустился на нижнюю палубу. И начал обход с носа.

Тут расположился корабельный концертный зал. С большой сценой на самом носу трюма и зрительным амфитеатром из составленных рядами длинных диванов желто-золотистого

цвета. Все было обито бархатом. И роскошные светильники на длинных держателях с потолка дополняли эту строгую гармонию.

Вообще, слово «роскошный» в наибольшей степени соответствовало тому, что он видел на этом плавучем городе.

Так он оценил и винтовую лестницу в центре корабля, которая пронзала этажи-палубы. И гигантские светильники из муранского стекла.

Несколько, как ему показалось, нарушали гармонию то ли лепные, то ли сделанные из желтоватой пластмассы, похожие на бабочек крылатые ангелочки, приклеенные на потолках гигантских внутренних помещений.

Осмотрел он и многочисленные бары, сменяющие один другой. И рестораны.

Да, со времен знаменитого «Титаника» стремление к изысканной роскоши осталось неизменным.

В конце осмотра он прогулялся по третьей палубе, над которой висели, как диковинные плоды, оранжевые спасательные боты.

Дверь с электронным замком уже привычно прошуршала что-то свое. И он снова оказался в своем жилище гурмана-отшельника.

Мировой сел к столу. И стал разглядывать найденную книгу. Автор – некто Н.К. Шильдер. На плотной красивой внутренней вкладке – парадный портрет царя в полный рост. В мундире с золотым шитьем. В лосинах, в ботфортах. При шпаге. С прижатой к ноге роскошной треуголкой. С плюмажем.

«Красавец мужчина», – подумал Олег. И наугад открыл этот фолиант.

Глава восьмая. «Путешествие императора Александра в Англию...»

Затем перевел взгляд на расположенную ниже литографию, изображающую группу всадников, едущих на прогулку в Гайд-парк...

Прочитал: «Как только Александр и Фридрих Вильгельм вышли на берег и сели в приготовленные для них экипажи, народ отпряг лошадей и повез на себе обоих монархов в город...»

На двери зажужжал электронный звонок. Появился давешний бой-малаец. Втащил большой черный, блестящий пластмассой чемодан на колесиках.

А следом в дверном проеме появилась стройная, но представительная фигура Затейкиной.

Мировой незамедлительно встал и устремился навстречу. Смуглый малаец подобострастно-почтительно остановился у входа. Мировой быстрым движением достал из кармана зеленую долларовую бумажку с масонскими символами, сунул ее малайцу в смуглую с тыльной стороны и белую изнутри ладонь.

Тот пробормотал «спасибо» и испарился.

А Олег, чтобы не терять разбега и «преодолеть дистанцию», приобнял Марину Петровну и попытался поцеловать. Но горячих объятий и длинного влюбленного поцелуя не получилось. Женщина была холодна. И невозмутима. Она только слегка поддалась под его напором. И, уклонившись от поцелуя, позволила чмокнуть себя в щеку.

Возникла даже какая-то легкая натянутая неловкость.

Чтобы как-то исправить положение, Мировой принялся громко рассказывать о том, что увидел на теплоходе в ходе своего утреннего осмотра.

Марина открыла чемодан, достала из него вещи, стала развешивать и раскладывать их по полочкам.

Слегка обескураженный таким холодным приемом, Мировой продолжал говорить, пока слова не иссякли. Наконец он замолк.

И в каюте повисло неловкое молчание.

Долго же он добивался, чтобы она оказалась здесь. С ним. Но дело не в любви.

Мирового прельщала трудность задачи. И Марина Петровна нужна была ему для самоутверждения в собственных глазах.

Смолоду его тянуло к красивым, самостоятельным, самодостаточным женщинам. Чувствовал он какую-то робость и неуверенность в отношениях с ними. И ни легкие интрижки с молоденькими модельками, ни романы с домохозяйками не давали удовлетворения его тщеславию. Сейчас он хотел преодолеть этот комплекс. Чтоб можно было похвастаться самому себе. Вот я каков! Какую женщину покорил!

Была еще одна закавыка. Как-то в разговоре один приятель-банкир обмолвился, словно невзначай, что после банкета увез Марину на дачу. И там они, крепко подвыпив, устроили себе незабываемую «ночь любви». Мировой с большим интересом выслушал пламенную речь приятеля. Особенно понравился ему пассаж: «А как она делает минет! С такой страстью, с таким урчанием!»

Он тогда подумал-подумал и сказал сам себе: «А чем я хуже Левы?» И ответил: «Ничем! Надо пробовать!»

Но была еще одна причина того, что они оказались сейчас вдвоем в этой каюте. Причина, в которой он не хотел признаваться даже сам себе. Ему было одиноко. И он частенько надеялся на то, что «случай» перерастет во что-то большее. Во что? В сумасшествие чувства, в ребенка, в какой-то поворот судьбы.

А пока он любовался ею – сухощавой, стройной, длинноногой. С пышной копной волос. И – безгрудой.

Она вполне могла бы работать моделью. Если бы поправила великоватый нос и увеличила глаза.

Но его она устраивала и такая – неумная, энергичная, живая, циничная. Прошедшая большую жизненную школу. Сменившая к своим тридцати двоим мужей.

Женщина со странноватым оригинальным вкусом, выражающимся особенно ярко в манере одеваться. Как девочка-подросток...

Что он еще знал о ней? Родом она была из благословенного южного края нашей великой страны. Кажется, отец ее был большим начальником в каком-то районе еще в советские времена. Закончила текстильный институт. И подалась в Питер. Тут она поработала некоторое время мастером на фабрике. А потом, видимо, поняла, что сейчас востребованы другие ее данные. И оказалась в пресс-службе одного большого человека. Поговаривали, что воткнул ее туда муж. Парень такого авантюрного разлива, вольный художник, любитель свободных отношений с женщинами.

Ну а оказавшись у «тела», она не растерялась... И карьера ее пошла в гору стремительно.

Так что Мировому пришлось попотеть. Встречи как бы невзначай. Долгие разговоры на казенных фуршетах. Охи, вздохи. Рестораны. А главное – ему приходилось рассказывать о своей любви. А что делать? Что делать? Женщина интеллигентная. И такую одним только «вольво», подогнанным к подъезду, не возьмешь.

А пока она молча раскладывала свои вещи, Олег Павлович подумал, что сложновато им будет, судя по началу, прожить две недели в одной каюте.

Но действительность опрокинула его ожидания. Она разрешила ситуацию самым простым и доступным способом. Неожиданно для Мирового быстро сняла брюки и кофту. И в одних черных трусиках и лифчике прилегла на кровать. Затем, чуть прикрыв глаза ресницами, позвала его к себе:

– Иди ко мне!

Что ж, Мирового не надо было звать дважды.

Через мгновение он уже лежал рядом. Раздетый. Но...

Секс – дело взаимное.

Марина, видимо, решила, что «надо дать». Но при этом вся ее готовность на этом и закончилась.

Потому что его бурные попытки «разогреть» девушку ничего не дали. Она была холодна, как лед. Или мрамор. В общем, с первого раза все не заладилось. Она, прикрыв глаза, лежала и как бы милостиво пыталась «осчастливить его». А он пыхтел вокруг нее, с каждой секундой чувствуя, как угасает желание.

Ну а когда пришла пора «слиться в едином порыве», она протянула ему зажатый в ладони презерватив. Чем окончательно испортила все дело.

Каждый мужчина знает, что это чудное изобретение так снижает чувствительность «орудия», что существует даже поговорка: заниматься любовью в презервативе – все равно что целоваться в противогазе.

«Что, она боится заразиться от меня, что ли? Лучше бы я взял с собой какую-нибудь девушку из эскорта!» – подумал он.

И от этих мыслей дела пошли еще хуже.

Окончательное фиаско он не потерпел. Все-таки есть еще порох в пороховницах. Не иссякла еще мужская сила.

Но результат «страстной ночи любви» был разочаровывающий...

Уже устроившись рядом с нею на кровати, отдыхая телом и душой, он сообразил: «Похоже, встретились два эгоиста. И каждый занят собой. Черт меня дернул пуститься на эксперимент с этой Артемидой. Ведь она точно не Венера – богиня любви, а Артемиды – охотница. В данном случае – за мужскими головами. Ну, будем знать теперь, после этой “медицинской процедуры”, что приятель мой, похоже, брехло!»

И пока они переживали свои удачи и неудачи, огромный, как айсберг, черно-белый лайнер готовился к выходу в Финский залив.

Почувствовав дрожь корпуса, Мировой вышел на балкон своей каюты. И принялся наблюдать за тем, что происходит в порту.

А там – работы в оранжевых касках и жилетах отдают швартовы – освобождают гиганта от пут, которыми он причален к бетонной стенке. А там бурлит, шипит водная гладь от работающих в унисон переднего и заднего винтов.

Путешествие началось. Впереди был Таллин. А потом Стокгольм. И все дальше, дальше, дальше...

«Кажется, здесь ситуация такая, как рассказывала мне ее бывшая подруга Анна, – думал Олег, склонившись за перила, – когда женщине проще дать, чем объяснять, почему не хочешь давать...»

* * *

Олег Павлович Мировой родился в городе Ленинграде – так назывался Петербург во времена правления так называемых коммунистов – двенадцатого декабря тысяча девятьсот шестьдесят пятого года.

Бабушка Олега – блокадница, пережившая в городе немецкую осаду. Ее девчонкой эвакуировали из города на Неве в Узбекистан. Ее-то вывезли, а вся родня умерла от голода.

После войны она вернулась в пустой дом. На насиженное место. Училась в институте. Где и встретила дедушку – бравого капитана-фронтовика. Вскоре у них родился сын, которого назвали Павликом.

Жили, как все. Не тужили.

Бабушка – женщина красивая и волевая – начала делать комсомольскую карьеру. А вот фронтовик-капитан Петр Федорович себя не проявил. Нравилось ему только играть на скрипке и попивать сладку водочку.

Кончилось дело это печально. Допился он до чертиков.

И бабушка, которая в то время уже очень даже поднялась на партийной работе, отправила неудачника мужа в лечебно-трудовой профилакторий. (Существовала в СССР такая форма принудительного лечения от алкоголизма. И можно было упрятать туда без суда и следствия человека года на два.)

Больной дедушка Петр оказался не слишком дисциплинированным пациентом. И частенько за нарушение режима попадал в изолятор, а если сказать еще проще – карцер. Что там случилось – никто толком не знает. Но во время одной из таких отсидок нашли его с проломленной головой.

Другие сидельцы уверяли, что они тут ни при чем, а он поскользнулся и «сам упал, ударился головой об унитаз».

Дело это раздувать не стали. Списали на несчастный случай.

Тем более что бабушка после этого случая пошла в гору по карьерной лестнице. И ей такой муж уж совсем был ни к чему.

Благополучно избежав развода, который в советское время никак не приветствовался, она в статусе вдовы героя войны заняла пост второго секретаря Ленинградского городского комитета КПСС. Отвечала за идеологию в городе.

Уже с момента своей работы в комсомоле она стала «номенклатурой». То есть вошла в правящий класс Страны Советов.

Большинство наших бывших советских людей до сих пор даже не представляют себе, как и кем управлялся СССР.

Если их спросить, так, накоротке, то они скажут, что Союз управлялся Коммунистической партией или добавят: Советами. Но этим самым назовут только надстройку той управляющей силы, которая существовала в стране.

А на самом деле страной правила новая элита. Новый класс, который получил древнее, но одновременно новое имя – номенклатура.

Термин этот вышел на поверхность из глубины веков. Судя по всему, произошел от латинского слова *potep* – имя. Номенклатура – это список имен. (Во время праздников и торжеств в Древнем Риме распорядитель, громко провозглашавший имена входящих на прием гостей, назывался номенклатором.)

В Союзе номенклатура – это список должностей, назначение на которые утверждалось вышестоящими органами.

Олег Павлович Мировой как раз и был отпрыском этого правящего класса.

Номенклатурная бабушка не слишком любила сына, зато была от внука без ума. И Олег, родившийся в рубашке, а если по-западному – с серебряной ложкой во рту, пользовался всеми радостями беззаботной и сытой юности.

Еще маленьким ребенком он частенько бывал в Смольном. Белокурый малыш смело шагал по длинным, чистым, словно вылизанным, паркетным коридорам, устланным бордовыми дорожками. Разглядывал стандартные черные таблички на белых дверях. Забегал в приемную, где сидела секретарь секретаря горкома партии.

И никто не смел остановить хорошенького мальчугана, когда он открывал дверь и забегал в кабинет к бабушке.

Бабушка, конечно, притворно сердилась. Но сидевший у нее на приеме посетитель торопливо собирал свои бумаги. И вылетал прочь.

Отец в это время успешно служил. То на Дальнем Востоке, то на Кавказе. Поэтому, чтобы «не таскать ребенка по гарнизонам», Олега оставляли в Петербурге. С отцом и матерью он виделся летом. И на каникулах.

Эти дни навсегда остались в памяти Олега как самые лучшие. Конечно, он бывал в специальных лагерях для детей номенклатуры. Бывал и в «Орленке», и в «Артеке». Но все-таки больше ему нравилось «на свободе».

Мать его была родом со Ставрополя. Такая казачка из станицы, к которой прикипел сердцем петербургский интеллигент. И поэтому иногда Олега отпускали на побывку к материнской родне.

Станица называлась Аполлоновской. И она входила в целую казачью страну, раскинувшуюся на юге России.

Олег особенно запомнил свой первый приезд туда.

Рано утром они с матерью вышли из самолета в аэропорту Минеральных Вод. Солнце только-только алым краешком высунулось из-за темной гряды Кавказского хребта. И Олег увидел прямо на горизонте в ясном небе «висящие» горы.

В аэропорту их встретил на стареньком «запорожце» дядя Иван. Маленького роста, чернявый, бородатый казачок. С легкой полуулыбкой на губах. По дороге он озвучивал Олегу названия остающихся по сторонам станиц. Странно звучали для его ленинградского уха старинные слова: Нагутская, Солдатская, Марьинская, Прохладная, Аполлоновская.

А дядька объяснял, откуда это:

– Цари строили линиями. Одну станицу за другой.

Олег не удержался. Спросил:

– А почему так?

– Ну, просто туда дальше, ближе к горам, живут другие народы. Чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы. От их набегов и строили такие станицы. Закрепляли Россию на этой земле. Россия, она ведь расширялась толчками. Сначала было Московское княжество, а потом пошли. На Сибирь. На юг. В Крым. А кто шел? Мы, казаки!

И Олег услышал в дядькиных словах гордость за своих предков и за себя.

Сам Олег гордости не чувствовал. Он не местный, а ленинградский. И только тоненькая ниточка родства связывает его с этими людьми.

Станица тоже удивила его. Он привык к тому, что российские деревеньки сплошь и рядом представляют собой невнятное скопление домов и домишек, жмущихся к главной улице или проходящей через них дороге.

Аполлоновская же его поразила с первых минут знакомства. Сверху, с холма, сразу было видно, что построена она по строгому плану. Улицы ровными рядами тянулись по степи одна за другою. И не имели обычных названий. Назывались просто линиями: первая линия, вторая, третья...

Дома, выстроенные в ряды, были обращены друг к другу. Ограждены заборишками, воротами. За заборами – цветочные клумбы.

Перед домами, прямо на улице высажены плодовые деревья. Алыча, абрикосы, сливы, яблони.

Олегу, привыкшему к тому, что фрукты-ягоды надо покупать, это было очень удивительно...

Удивительны были и дни, которые он провел в станице. Дни, полные жизни и свободы.

Здесь можно было спать на улице. Есть немые фрукты и ягоды с грядки или с дерева. Ходить вместе со станичными чумазыми ребятами на речку. Ловить руками карасей в водяных зарослях.

Жили родственники очень бедно. Изба саманная, беленная снаружи, приземистая. Дядька Иван уже много лет подряд строил рядом дом. Но стройка двигалась туго. Колхоз денег не платил. Рассчитывался «палочками». Иногда зерном...

Жили в основном с огорода. Он весь был засажен клубникой. И когда наступал сезон, все семейство, как муравьи, работало на этой плантации.

Казачи жили бедно, но дружно. И работали так же.

Так как в это время лошадей у народа давно уже не было, а необходимость в домашнем тягле оставалась, то все обзавелись мотоциклами. В каждом дворе – бедном или богатом – обязательно был мотоцикл с коляской или некое самодвижущееся средство, собранное из различных деталей.

У дядьки Ваньки тоже был симбиоз мотоцикла и телеги. Это трехколесное чудо ребятишки называли про себя «моторыльня».

Вот на этой самой моторыльне они ездили за сеном. Они – это двое дядькиных сыновей. Серьезный такой, насупленный старший, настоящий мужичок Колька. И младший – черный, спливыый и от этого гундосящий Ленка.

Была еще Верка – крепкая, ядреная девка, круглолицая, с каменными юными грудями.

Дядька косил. Ребята собирали высушенное сено. Потом грузили в кузов повозки. И катили обратно.

Однажды они так увлеклись, что нагрузили целую копну.

Эту поездку Олег Мировой запомнил на всю жизнь. Потому что никогда еще не было ему так жутко и весело, как в тот раз.

Дядька Иван посадил их наверх. Сам сел за руль. Они катили по проселочной дороге домой.

Копну душистого сена мотало на дороге из стороны в сторону. Ребятишки вцепились в траву руками, ногами. И с высоты «гнезда» наблюдали за окружающей жизнью.

Кончилось это тем, чем и должно было. На каком-то повороте, когда дорога уже начала спускаться в лог, к станице, копна сена поползла в сторону. Они дружно слетели прямо на дорогу и кубарем покатались, вывалявшись в мельчайшей дорожной пыли.

Упали, но не разбились, не ушиблись. Потому что маленькие, легкие. Сорванцы.

Сено подобрали, скинули обратно в кузов. Но остаток пути прошли пешком, оживленно обсуждая происшествие.

В общем, о Кавказе остались у него самые яркие воспоминания. Там он чувствовал себя свободным. Там остались друзья-приятели. Там осталась двоюродная сестра, которую он подростком тискал за «каменные», упругие груди...

Ну а дальше была жизнь по распорядку, по линейке, которая была уготована ему судьбой и любящей бабушкой.

* * *

После школы долго решали: куда? Было несколько вузов, где дети номенклатурных родителей могли не смешиваться с толпой обычных студентов, а оставаться в том же самом кругу. Среди своих. Это в первую очередь были МГИМО, МГУ.

Получив там высшее образование, можно было перейти в ряд закрытых учебных заведений. Типа Высшей партийной школы при ЦК КПСС или Дипломатической академии, Академии внешней торговли, Высшей школы КГБ.

В общем, для номенклатурных детей любая дорога плавно вела к занятию номенклатурных должностей.

Но тут нашла коса на камень. Отец – уже генерал – хотел, чтобы сын занял достойное место в военной элите. Прочил ему такую карьеру.

Бабушка же хотела, чтобы он делал партийную. Потому что «партия – наш рулевой». И она могла обеспечить внуку блестящую судьбу сначала – в комсомоле, а потом – в партийных номенклатурных организациях.

В общем, схлестнулись.

Но тут подал голос и сам Олег. Парень неглупый, он очень хотел стать журналистом.

В конце концов нашелся вариант, который удовлетворил всех.

На семейном совете решили. Будет он учиться в ЛВВПУ. А расшифровывалась эта сложная аббревиатура просто. Он будет учиться в городе Львове в Высшем военно-политическом училище Советской армии. На отделении военной журналистики.

Кстати говоря, это отделение пользовалось чрезвычайной популярностью у детей высокопоставленных военных – генералов, адмиралов, маршалов. Работа не пыльная, интеллигентная. А выслуга лет, оклады, довольствие, надбавки, квартиры, форма, льготы и привилегии – военные. Опять же части наши и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Германии. Еще много где стоят. Вплоть до Кубы.

Можно мир посмотреть за казенные деньги.

А так как училище политическое, то в любое время можно с таким образованием перевестись и в высшие школы при ЦК КПСС.

Да мало ли куда можно устроиться и сделать карьеру при таких родственниках!

Ну, опять же, ребенок чувствует призвание к журналистике. Пусть будет и ему приятно.

Так оказался он на Западной Украине, в славном городе Львове. Тут, почти как в другом мире, жили так называемые «западенцы».

Учиться ему понравилось. Тем более что преподаватели понимали, с каким контингентом имеют дело. И особо не давили на привилегированных курсантов.

Случались и «самоходы», и разные смешные эпизоды.

Нельзя сказать, что он был постоянным кавалером. И строил «серьезные отношения». Как баловень судьбы, он и по женской части, что называется, был «ходок». Разведенные дамы под сорок, девушки-нимфетки, невесты на выданье, вечные невесты – куда еще идти солдату, то бишь курсанту, куда нести печаль свою?

Как и многие курсанты, он к четвертому курсу, так сказать, «забурел». Завел себе «гражданку», то есть гражданскую одежду. И тайком уходил вечером из казармы.

Выбравшись за забор, он напрямик направлялся к знакомым. Там переодевался. И бежал на свидание. К очередной девушке.

В тот раз банкет длился долго. Он подзадержался. И выпил немало. Да так немало, что забыл о том, что надо пойти переодеться.

И отправился напрямик в часть.

То бишь в джинсах, кроссовках и рубашке в цветочек с большим воротником.

Пробравшись в казарму, он аккуратно разделся. Аккуратно, по уставу сложил на стуле перед кроватью свои штаны и рубашку. Выровнял строго носки кроссовок. И завалился спать.

Прервал его безмятежный утренний сон вопль дежурного по части майора Петухова.

Открыв и протерев глаза, он увидел стоявшего напротив его кровати и подпрыгивающего от злости красного, как повязка на рукаве, и орущего благим матом майора:

– Что это?! Что это?! Что это?! – так, словно его переклинило, вопил майор, указывая на его кроссовки, торчащие белыми носами в длинном ряду черных, начищенных, яловых курсантских сапог.

Рядом с майором стоял смущенный дежурный по роте, его закадычный дружок Эдик Доля. И, виновато хлопая глазами, пожимал плечами, словно не понимая, как могло случиться такое – курсантские сапоги мистическим образом превратились в белые кроссовки...

Отсидев три дня на гауптвахте, Олег пришел к простому практическому выводу: если уж принял на грудь, то лучше из самохода не возвращаться, пока не протрезвеешь.

Можно будет потом что-нибудь придумать. А то и гражданки лишишься. И на губу залетишь...

На следующий год их уже распределяли по специализации. И он захотел пойти во флот.

С третьего курса их группу переодели в форменные черные бушлаты. Выдали тельняшки и черные брюки, к которым Олег долго не мог привыкнуть. Потому что у морских брюк не было ширинки. И застегивались они крючками сбоку.

Но это неудобство со временем он преодолел. Привык. А в остальном все было прекрасно.

Выпустился он не то чтобы удачно, а просто супер. На Черноморский флот.

* * *

В то время Краснознаменный Черноморский флот, базировавшийся в Севастополе, насчитывал сто тысяч человек личного состава. И восемьсот кораблей. Это была могучая армада, полностью господствовавшая на Черном и Средиземном морях.

Молодой красивый лейтенант приступил к работе в многотиражной газете на флагмане Черноморского флота. А уже через год его талант был замечен. И он был переведен в штаб. В главную флотскую газету.

Жизнь улыбалась ему во все тридцать два зуба. Но тут началась перестройка, которая в тысяча девятьсот девяносто первом закончилась катастрофой. Последовали известные события. И в конечном итоге старший лейтенант Мировой оказался на Северном флоте. А затем вернулся в славный город Петербург. Теперь уже Петербург. К любимой бабушке.

Служить на Балтийском флоте.

Балтийский флот тогда представлял собой жалкое зрелище. Конечно, он не был самым главным и могучим и в советское время. Но он был старейшим. Имел традиции, восходящие к Петру. Имел свою базу в Кронштадте.

Однако общий упадок в стране особенно негативно отразился на нем. Моряки месяцами не получали жалованье. Дисциплина упала ниже плинтуса. Специалисты увольнялись тысячами.

Но Мировому, как ни странно, нравилось служить. Нравилась морская форма. Нравилась работа. И он, в отличие от многих, не терял бодрости духа. Утешал себя тем, что все это временно.

* * *

Другое дело – бабушка. Понимая, что Советский Союз доживает последние дни, она не растерялась, не стала ныть и плакаться в жилетку, как многие тысячи бывших руководителей. Бабушка с головой «окунулась в рынок». Имея аппаратный вес – как-никак секретарь горкома партии – и огромные связи, она уже в ранний период создала несколько кооперативов, на которые поставила верных людей.

Через эти структуры пожилая леди, понимая, куда дует ветер, накупила ваучеров.

И не прогадала. Ее «золото партии» не растворилось незнамо где.

Она умело использовала все возможности. Даже Олег поспособствовал ее многотрудному делу. Как? Познакомил бабушку с несколькими старшими офицерами с Кронштадтской базы. И... Екатерина Алексеевна учредила вместе с ними так называемый Моряцкий банк.

Она и здесь правильно рассчитала. Во-первых, через этот банк пошло денежное довольствие флотских экипажей. Во-вторых, в том зыбком, туманном экономическом климате, который господствовал в России, люди искали надежности, стабильности и порядочности.

А так как среди учредителей банка были морские офицеры, то вкладчики валили валом.

Кроме того, Екатерина Алексеевна постаралась, чтобы платежи многих учреждений жилищно-коммунального хозяйства, а также еще работавших предприятий города шли через счета Моряцкого банка.

Так что пока завлабы, юристы и прочие разные примкнувшие к ним гэбисты и демократы охмурали народ и делили власть политическую, практичная бабушка со своими верными соратниками закладывала основы своего экономического процветания.

Получилось все очень удачно. Банковские филиалы появлялись по всей стране, как грибы после дождя. На ваучеры, скупленные за гроши у обнищавшего населения, приобретались на аукционах крупные фабрики и небольшие заводики.

К концу своего правления Екатерина Алексеевна уже была владелицей контрольного пакета нескольких вполне приличных предприятий.

Но, как говорится, человек предполагает, а Господь Бог располагает. И Олегу, который уже дослужился до звания капитана третьего ранга, тоже пришлось запрягаться в это миллионное дело, которое бабушка Екатерина делала с молодым не по годам азартом.

Время было тяжелое, смутное. Петербург, который всегда был культурной столицей СССР, стал бандитским гнездом.

Случилось то, что тогда случалось сплошь и рядом. Рейдеры-конкуренты попытались захватить бабушкину швейную фабрику, на которой было поставлено новое оборудование.

Во время захвата вспыхнул пожар. Фабрика сгорела. Погибли люди.

А бабушку сразил тяжелейший обширный инфаркт.

Шестого ноября тысяча девятьсот девяносто шестого года, аккурат перед праздником революции, в темную петербургскую ночь, она скончалась.

* * *

Отец Олега Мирowego – генерал-майор – ушел в отставку и принял дела управления бизнес-империей на себя. Не осознавая, что он находится в новой реальности, принялся насаждать армейские порядки в структурированном к тому времени как холдинг бизнесе. Человек тяжелый и вспыльчивый, Павел Петрович начал свою деятельность с мелочных придирок. Без конца менял помощников, секретарей, начальников отделов. По любому, самому ничтожному поводу устраивал разносы директорам и даже членам совета директоров холдинга.

Привыкнув в своей дивизии к единой и безраздельной власти, он так же пытался управлять и холдингом. Результаты не замедлили сказаться. Постоянная кадровая чехарда, непросчитанные решения, «дружеские» кредиты пошатнули финансовое положение акционеров. Начал зреть заговор...

В это время капитан третьего ранга Мировой переживал очередной кризис идентичности. Он никак не мог определить для себя, куда двигаться дальше...

Направление обозначилось, когда один из бабушкиных соратников, член совета директоров, человек уважаемый и известный, встретился с ним в бане. Элитная сауна, в которой голый человек чувствует себя открытым всем ветрам, склоняла к откровенности. Там управленец и высказался по теме:

– Олег! Твой отец зашел слишком далеко! Он никого не хочет слушать. Пользуясь тем, что у него контрольный пакет, пытается всех нагнуть. Тянет нас на дно! Наши интересы не учитываются. Мы через неделю собираем совет директоров. Хотим ему предложить уйти. Если не согласится добровольно – будем настаивать на устранении его через судебные процедуры. Иначе он все развалит. Ты слышал, что он распорядился дать огромный кредит своему дружкуньянице, который якобы строит ферму? Баранов-мериносов. Какие мериносы у нас тут на северах? А деньги немалые – несколько миллиардов... Я предлагаю тебе возглавить наш холдинг! Согласен?!

Олег ничего не сказал. Против отца, от которого частенько доставалось и ему, он идти не мог. Но и «нет» тоже не сказал.

А дальше произошло вот что. Совет директоров состоялся. Но Павел Петрович заявил, что со своего поста не уйдет. Наорал на собравшихся. Хлопнув дверью, вылетел из кабинета. Напоследок пообещал разобраться с каждым...

Через три дня в его загородный дом залезли грабители. Вроде искали деньги. Подняли отца с постели. Тот пытался сопротивляться. Его забили насмерть...

Олег, узнав об этом, едва не упал в обморок. Теперь он клял себя за то, что не сказал «нет».

К нему на службу приехал заместитель отца вице-адмирал Каплер. Они разговаривали, запершись в кабинете. И там Каплер по-военному четко предложил ему:

– Олег! Хватит сопли жевать! Срочно увольняйся из армии и берись за дело. Завтра внеочередное собрание акционеров. Тебе надо быть. Ты теперь держатель контрольного пакета. Я буду предлагать тебя председателем наблюдательного совета.

Так, двенадцатого марта две тысячи первого года он встал во главе дела.

После избрания Мировой заявил, что все будет хорошо, все будет, как было при бабушке. Он будет советоваться с товарищами. И дело пойдет на лад.

Став главой холдинга, Олег, конечно, не мог сразу разобраться в абсолютно новом для него деле. И ему, естественно, нужен был человек, который бы помогал, объяснял, вводил в курс. И такой человек нашелся. Грубый и хитрый одновременно – Алексей Андреевич Карачеев. Верный, без лести директор крупного предприятия. Еще молодой, да ранний.

Он окружил Олега Мирового такой заботой, что вскоре тому стало не по себе.

Карачеев посадил его в кабинет напротив своего, взял на себя все дела, пытался даже вмешиваться в его личную жизнь.

И в какой-то момент Мировой понял, что попал в ловушку.

А дело было так. Карачеев предложил Мировому, чтобы его сопровождал водитель-охранник:

– Вы, Олег Павлович, большой человек! И теперь вам нельзя ездить одному. Надо, чтобы с вами рядом был телохранитель!

Так рядом с Мировым появился бывший спецназовец Иван Толоков.

Проработали они с год. И вроде бы нашли общий язык.

В один прекрасный день Иван, выезжая со двора, задал вопрос:

– А каким человеком вам представляется Карачеев?

Мировой, несмотря на странность вопроса, ответил:

– Нормальный человек! Простой, отзывчивый, понимающий.

На что Иван сказал, усмехнувшись:

– Это для вас он такой. А на самом деле хитрый, жадный, мстительный...

Этот разговор заставил Мирового крепко задуматься, стать внимательнее и осмотрительнее. И первый вывод, который он сделал, заключался в следующем: «Эти люди принимают мою мягкость, доброту, а самое главное – порядочность и благородство за слабость. И стараются использовать их в своих корыстных целях».

Ирония судьбы заключалась еще и в том, что компаньоны, жаждавшие власти и денег, были еще и трусами. Чем подтверждали эзотерическую истину, что бодливой корове бог рогов не дает.

Мировой посмотрел-посмотрел на окружающих и понял, что его туманным мечтаниям о всеобщем братстве, равенстве и прочих вещах не сбыться никогда. Потому что люди остаются людьми. И ему не надо пытаться переделывать их. Надо продолжать работать с тем материалом, что имеется в наличии.

На этом и остановился.

С тех пор у Мирowego не стало любимчиков и постоянных фаворитов. Олег, который раньше отличался открытостью характера и готовностью поделиться с ближними и радостью, и горем, стал скрытен и подозрителен.

Так и не обретя новых друзей в компаньонах, он стал искать их на стороне, среди мистически настроенных знакомых.

Еще в первые годы после возвращения в Петербург он узнал, что город, а точнее, Балтийский флот был колыбелью русского масонства. Отсюда пошли все русские ложи.

Один из тех, с кем он служил в Кронштадте, и свел его с вольными каменщиками.

Они стали для Олега «братьями».

Несколько лет Мировой ходил в учениках. А в прошлом году случилось великое событие, которое он любит вспоминать до сих пор. Он стал мастером.

* * *

Когда-то на берегу прозрачной речки, в сосновом лесу находилась элитная туристическая база. Добротный дом и несколько коттеджей. Принадлежала она крупному оборонному предприятию.

Как водится, в девяностые предприятие разорили, а турбазу бросили на произвол судьбы. И она много лет простояла бесхозная. Пока не приехали какие-то серьезные и важные люди. Они осмотрели то, что осталось от этого комплекса, и убыли восвояси.

А летом на турбазу прибыли техника и рабочие. Началось возрождение, но уже не туристического объекта.

На этом месте появилось крупное прямоугольное здание, ориентированное строго на оси восток – запад.

В самом здании выгородили три помещения. Две небольшие комнаты и большой зал, в котором можно удобно разместить хоть сотню человек.

День за днем, месяц за месяцем шли отделочные работы. И вот наступило время, когда снова приехали серьезные важные люди, чтобы принять работу у строителей.

Что же предстало их взору? Храм! Масонский храм!

С тремя колоннами, стоящими посередине зала. Дорической, ионической и коринфской. С голубым потолком, изображающим звездное небо. Со стенами, на которых нарисованы орудия труда вольных каменщиков: молотки, уровни, циркули, угольники. Наконец, с мозаичным полом, состоящим из расположенных в шахматном порядке черно-белых плиток.

В центре этого пола между колоннами стоял алтарь. А по сторонам от него – камни. Слева – грубый, неотесанный. Справа – совершенно гладкий, отполированный.

В восточной части зала, на возвышении в семь ступеней, расположили кресла начальствующих. Эти места были отделены небольшой деревянной балюстрадой с калиткой посередине.

Над этим символическим престолом – лучезарная дельта с всевидящим оком в центре. Справа от нее – изображение солнца, слева – луны.

На престоле у начальствующего лежали папка с патентом на работы, конституция ложи и регламент масонских работ. А на алтаре в форме куба – три священные для каждого масона вещи. Книга Священного закона, циркуль и наугольник. Каждая вещь – символ.

При этом Священная книга была открыта на первой главе Книги Бытия.

Серьезные люди заглянули в нее. И один из них прочел:

«И сказал Бог: да будет Свет. – И стал Свет».

Вот так и возник храм объединения вольных каменщиков под названием «Великий восток народов России». А точнее, его ложа «Пифагор».

В этом-то месте и состоялось некоторое время назад посвящение его, Олега Мирowego, в третий градус. В степень мастера.

Тот день Олег помнит до мельчайших деталей. Он приехал в ложу в приподнятом настроении. Совсем не в том, как в первый раз. (Тогда он был робким «профаном» с завязанными глазами, расстегнутой до пупа рубахой, без ремня, с закатанной штаниной.) Теперь ему не нужно было объяснять, что циркуль символизирует небесный план, наугольник – символ земного бытия, уровень означает равенство всех братьев, всех людей перед Богом, отвес – праведность и духовную прямоу. А молоток – власть мастера. И посвящать его будут ритуальным мечом с волнистым лезвием. Таким, каким по преданию обладал ангел, стоявший с пламенным мечом у ворот Эдема.

Он спокойно, не как ученик, а как равный, прошедший немалый духовный путь, сидел в комнате и ждал начала обряда.

Пока великий мастер ложи проверял, исполнены ли все условия для начала ритуалов, Олег прислушивался к голосам, которые раздавались в главном зале:

– Собрана ли ложа? – слышался ему голос мастера. – Покрыта ли? Освещена ли?

Вслушиваясь в вопросы и ответы, Олег понимал, что кворум есть и охрана ложи обеспечена.

Следом начиналась административная часть. Переключка членов ложи. Зачитывались протоколы прошлого собрания.

В общем, все шло, как положено. Ритуал соблюдался.

Олег знал легенду, на которой основывается ритуал посвящения. И хотя ему предстояло выслушать ее от великого мастера, он уже тогда, в комнате ожидания, вспоминал ее:

«Царь Соломон решил строить храм. И построить его надо было так, чтобы он своим видом, внутренним убранством, украшениями и декором мог в виде символов передать потомкам божественные знания, которыми обладал сам царь.

Соломон собрал строителей. Назначил главным из них некоего Адонирама – человека, обладавшего знанием “божественной истины”.

Адонирам разделил своих подчиненных строителей на три степени. Самыми многочисленными из них были ученики. На следующем месте – товарищи. И самыми привилегированными и, соответственно, самыми высокооплачиваемыми, стали мастера.

Каждой группе, условно говоря, специалистов Адонирам дал символическое слово. Вечером после работы все шли к казначею. И говорили свое заветное слово. И казначей, понимая, с кем имеет дело, соответственно оплачивал их труд.

Мастера получали самую высокую плату.

Слова были такие: ученикам – слово Иоаним. Товарищам – Вооз. А мастерам – Иегова.

Конечно, другие мастерам завидовали. Потому что они получали более высокую плату.

И вот трое работников решили, что им надо выпытать у Адонирама мастерское слово. И потом воспользоваться им для своих целей.

И вот трое подмастерьев выследили Адонирама. Первый из этих негодяев подошел к нему у южных ворот. И стал, угрожая, требовать, чтобы мастер назвал ему заветное слово.

Но Адонирам отказался.

И тогда подмастерье ударил его молотком.

Мастер бросился бежать.

Но второй заговорщик уже у северных ворот нанес ему удар киркой.

Адонирам, подбежав к колодцу, бросил туда священный наугольник – символ духовного совершенства (на нем было начертано таинственное изображение духа Иеговы).

Но тут его у восточных ворот настиг третий заговорщик. И нанес ему смертельный удар циркулем.

Затем убийцы унесли и схоронили тело.

На следующий день царь Соломон начал поиски своего пропавшего мастера. И посланные нашли его, так как убийцы, закопав Адонирама, воткнули в разрыхленную землю веточку акации. А эта веточка сразу же зазеленела...»

Вот эта великая легенда и легла в основу обряда посвящения дорогого «брата» в мастера.

Из главного зала раздалась команда, и Олег Павлович, одетый в соответствующее рублище, появился у жертвенника.

В тот день храм был особенным. Вся ложа была затянута черной тканью. На стенах развешаны черепа и кости. И под ними надписи: «Memento mori».

На полу, скрывая «шахматную доску», лежал огромный ковер с нашитыми на нем «золотыми буквами». По сторонам стояли светильники. А рядом, словно поддерживая их, – скелеты.

Заходя, он еще подумал тогда: «Где же они их взяли? Неужели в магазине, где продаются пособия для медицинских вузов?»

И эта мысль чуть не разрушила весь тот возвышенный строй мыслей, с которым он пришел тогда на свою инициацию.

Но, увидев, что все братья принимают «горестный вид», он спохватился и встал, как положено, по правую сторону жертвенника.

Вокруг были знакомые лица. Банкиры, управленцы, депутаты, проходимцы, чиновники. Все в белых перчатках, белых фартуках. На шеях у многих цепи с символами и масонскими знаками.

Великий мастер, усатый, с одутловатым лицом, был одет в мантию и весь прямо-таки осыпан символами. На руке у него блестело огромное кольцо с черепом и костями.

Начинался театрализованный обряд. Тремя «ударами» молота он, посвящаемый, Олег Павлович Мировой, «повергался» в гроб.

Пока он тихо лежал, его покрывали красной тканью, символизирующей кровь. На сердце клали золотой треугольник с монограммой, означающей слово «Иегова». И веточку акации.

Олег помнил, что лежать на жесткой доске ему было чертовски неудобно. Помнил, как вокруг него под траурную мелодию шествовали братья. А потом встали вдоль квадрата и, взявшись за руки, образовали так называемую братскую цепь.

Затем наступил самый главный момент.

Его подняли из гроба. Подвели к алтарю. И поставили на одно колено.

Досточтимый мастер произнес над ним фразу, которая используется всеми масонами без исключения:

– Во славу Великого Архитектора Вселенной я утверждаю тебя в третьей степени мастера нашего цеха...

Один из стоявших рядом офицеров ложи подал досточтимому мастеру длинный меч. И тот, подняв его на вытянутую руку, легко коснулся сверкающим лезвием плеча и темени Олега.

Все свершилось.

– Встань, новоиспеченный мастер! – провозгласил магистр.

Затем взял Мирowego за плечи, поднял его. И трижды облобызал. Как и принято между полноправными членами ложи.

А потом была праздничная совместная трапеза, братская агапа.

Столбы были составлены буквой «П». В центре стоял досточтимый мастер. Перед ним в этом пространстве, образуемом столами, был поставлен небольшой походный алтарь, на который возложены Библия, циркуль и наугольник. Вдоль стола, по его середине была протянута голубая лента. На ленту в одну линию были поставлены бокалы всех собравшихся в ложе братьев.

Каждый тост начинался с того, что мастер призывал виночерпия «зарядить пушки». (По старинной военной традиции столовые принадлежности у масонов носят военные или армей-

ские названия: бокал – «пушка», салфетка – «знамя», вилка – «сабля», вино – «крепкий порох», вода – «слабый порох», тост – «залп», наполнить бокалы – «зарядить пушки».)

Пошли тосты. Всего тринадцать. Сначала – за страну, где работает жога. Потом – за президента. За всемирное братство вольных каменщиков. За великого мастера. За досточтимого мастера. И за него, мастера Олега Мирowego...

И последний традиционный тост. Тост привратника. Поэтичное поминовение всех вольных каменщиков, рассеянных по всему лицу земли. После этого церемониальная часть закончилась. И начались приватные разговоры между масонами.

Прокурор, судья, банкиры, наместник, мэр. Здесь есть люди, облеченные властью. И тут они могут поговорить о делах. Да, приятно вспомнить на досуге Олегу Павловичу те незабвенные мгновения и теперь, отправившись в свое путешествие вокруг Европы, выполнить важное поручение братства.

Ну, а на гарнир у него вот такая вот отдельная история с этой светской дамой, которую он никак не может понять.

Вообще, конечно, его женщины – это, можно сказать, отдельная история.

Мировой не то чтобы убежденный холостяк. Нет. Несколько лет назад он даже женился. Но, как сейчас модно говорить, что-то пошло не так. И ему пришлось срочно развестись.

Конечно, женщины липли и старались охомутать его. Мировой никому не отказывал. Так что «фаворитки на час» иногда задерживались. А иногда и нет.

Он щедро награждал своих подружек: кого – квартирой, кого – хорошей иномаркой. И, нагулявшись, давал им отставку.

У него даже сложилось определенное правило по этой части: никогда не держать женщину в любовницах больше двух лет. Потому что это чревато и для тебя, и для нее. За два года страсть утихает. И приходит трезвый расчет.

Второе. Женщину тоже нельзя питать ложными надеждами. Сорвал цвет. И в сторону. Авось кто-нибудь подберет. Так вот он строил свои отношения с молодыми.

Ну а с теми, кто уже все понимает, было еще проще.

Недавно Мировой вообще изменил систему. Он перешел на прямые товарно-денежные отношения. Познакомился с директором одного так называемого модельного агентства. И тот за разумную цену предлагал ему услуги молодых свежих моделек.

Вот такой эволюционный путь к этому кораблю прошел Олег Павлович Мировой.

* * *

«Как провожают пароходы? Совсем не так, как поезда, – пелось когда-то в популярной советской песне. И добавлялось: – Морские медленные воды – не то, что рельсы в два ряда!»

Где те времена? Где та страна? Где провожающие на причале? Ничего этого теперь нет! Террористы так незаметно перестроили нашу жизнь, что проводов отходящих пароходов с многочисленной толпой больше не увидишь.

И ходят корабли теперь не по звездам, а по спутникам, точнее по GPS-навигаторам. Так что и штурманы в привычном понимании слова на современных судах уже не нужны. Как не нужны и суровые капитаны с трубкою в зубах. Они остались в прошлом.

Но, к счастью, еще осталось море. Эта завораживающая, зыбкая, то полная неги и покоя, готовая убаюкивать человека, то суровая стихия.

Они вышли на палубу вместе. Постояли на прохладном ветру. Посмотрели на уплывающие в дымке пологие берега. И отправились вниз.

В роскошном салоне, где перемешались кресла и столики, уже собралась почти вся их группа. Человек так тридцать. И разговор шел о правилах жизни на борту.

Гид – бойкая, разбитная питерская хабалка, чем-то похожая на Нобчак из «Дома-2», толкует им с едва заметным малороссийским говорком:

– Сичас, через два часа будет дан сиг’нал! Один короткий, три длинных. Он будет слышен в каждой каюте. По этому сиг’налу вы должны будете взять с собой спасательные жилеты из шкафа в каюте и спуститься на третью палубу, где висят спасательные шлюпки...

Народ хмуро, но терпеливо внимал речам гида.

А Мировой тем временем разглядывал своих попутчиков, пытаясь понять, кто есть кто.

Все изменилось с советского времени. Появились абсолютно новые типы.

«Вот, например, – думает он, глядя на мужчину с абсолютно неестественными, гигантскими, выпирающими из-под майки бицепсами-трицепсами, – это, – дает он ему прозвище, – «Анаболический атлет». Жрет таблетки и, как бройлер, мгновенно набирает мышечную массу. С этим все понятно. По-видимому, он компенсирует гигантскими искусственными мышцами какую-нибудь детскую обиду. Может, его били в школе, как слабака. А он мечтал: вот вырасту, стану могучим и всем покажу!»

На самом краю зальчика он замечает морщинистое лицо с мешками под глазами и унылый нос, знакомый всем.

Это – Телевизионный писатель.

В понимании Олега Телевизионный писатель – это человек, который, написав когда-то что-то, а может, и не написав ничего путного, бродит по телестудиям, где участвует в бесконечных “тык”-шоу».

Естественно, рядом с ним – дражайшая половина.

Она ревниво смотрит по сторонам. Узнают ли моего мужа?

Рядом с ними, как он опять для себя определяет, Педерастический юноша. То ли сын, то ли прихлебатель у писателя.

Вот мужчина с одутловатым лицом. Видно, крепко пьющий. А рядом – маленькая копия папы – сын лет двенадцати.

В центре зала несколько буржуазных семейств с отпрысками.

А вот еще одна личность. Это, кажется, Фанерная поп-звездочка. Начиная певичка с тату на прелестной шейке. Из тех, что вычурно и вызывающе одеваются. Ярко-модно.

Рядом с нею – пожилой, но вовсю молодящийся улыбчивый дядечка, который, видимо, содержит, толкает и раскручивает молодое дарование.

А вот среди незначительных лиц бросается в глаза интересное, характерное. Женщина-хрюша. Жирненькая тетка – лицо с пяточком носа. Чрезвычайно довольная собою и тем, что оказалась на таком шикарном пароходе, в такой шикарной компании с Телеписателем и Фанерной поп-звездой.

В общем, как говорится, каждой твари по паре.

Уже под финал переключки внимание Олега привлекли, как бы это сказать, особы с “лица необщим выраженьем”.

Одна, что помоложе, откликнулась на фамилию Бархатова. Мария. А вторая – постарше – Бобриня. Тоже Мария. Он и назвал их про себя «Две Б». Или «Две М».

И, довольный осмотром публики, Олег улыбнулся.

* * *

Вечером, перед ужином возникла небольшая заминка, связанная с формой одежды. Выяснилось, что он должен быть в смокинге и галстук. А его спутница – в вечернем наряде.

Конечно, никакого смокинга он с собою не брал.

После недолгих раздумий надел просто костюм и галстук.

Ресторан «Глория» внизу на корме.

Так что ему с Затейкиной приходится идти через многочисленные залы, холлы, роскошные магазины, казино.

Вместе с ними в том же направлении движутся десятки принаряженных, пахнущих дорогим парфюмом, людей.

У входа в ресторан стоят и улыбаются черно-белые официанты-малайцы. Рядом с ними маленькие автоматы, похожие на рукомойники.

Дело в том, что на огромных лайнерах, которые похожи на целые плавучие города, большая скученность. Причем на круизы собираются люди из абсолютно разных стран и разных континентов. Соответственно они привозят с собою огромное количество микроорганизмов. Кроме того, на таких лайнерах работает служба из таких экзотических стран, как Таиланд, Малайзия, Индонезия. Они тоже привозят свои штаммы и бактерии. И на лайнерах периодически возникают мини-эпидемии кишечных инфекций. Борьба с ними, особенно в теплое время года, ведется по всем фронтам.

Вот поэтому у входа в ресторан стоят такие своеобразные рукомойники с дезинфицирующим гелем.

Мировой подставляет ладони. На них изливается пахучий спиртовой раствор.

Он протирает, дезинфицирует руки. Его спутница проделывает то же самое. И смуглый метрдотель в черно-белой морской униформе ведет их в огромный зал – к разнообразным, покрытым белоснежными скатертями столам.

На столах фарфоровые тарелки. Сложенные треугольниками ослепительно белые салфетки. И начищенные до блеска приборы.

Метрдотель сажает их за столик номер шестьдесят пять. Аккуратно подвигает удобные изящные кресла.

И сообщает, что это их постоянные, на все время путешествия места.

Столик на четверых. Мировой оглядывает заполняющийся нарядными людьми зал. И гадает, кого посадят к ним.

Ждать приходится недолго.

Тот же улыбчивый метрдотель подводит через несколько минут двух женщин из их группы. Тех самых, на которых он обратил внимание во время их встречи с гидом.

Это Мария Бархатова и Мария Бобринина. У обеих живые глаза.

Бобринина в черном, длинном, закрытом платье. С высокой седой прической. Этакая графиня. А Бархатова круглолицая, глаза-бусинки, коротко стриженная. В брючном костюме.

Посидели. Помолчали некоторое время. Мировой, стараясь быть любезным, приятным, спросил пожилую соседку на всякий случай, чтобы как-то скрасить минуты ожидания:

– Вы тоже из нашей группы? Из Петербурга?

Старшая улыбнулась любезно:

– Да, мы тоже с Машей из Петербурга.

– Как вы устроились? Кажется, эта поездка вполне приличная?

– Чудесно устроились!

Помолчали.

– Извините! – продолжила разговор Марина Затейкина. – Ваше лицо мне кажется знакомым. А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Молодая, не обижаясь на такой допрос, ответила просто:

– Будем знакомы! Я работаю в Музее истории религии. Доктор исторических наук Мария Бархатова.

Пришлось отвечать любезностью на любезность:

– Олег Павлович Мировой – издатель, бизнесмен!

– Марина! Тружусь в нашей городской администрации, – пробормотала Затейкина.

Бобрин молчала какое-то время, словно взвешивая, говорить – не говорить. Посмотрела глазами-блюдцами и произнесла:

– А я человек вольных профессий. Занимаюсь парапсихологией, экстрасенсорикой, восточными духовными практиками...

«Ясновидящая! Гадалка! – решил Мировой. – Их сейчас столько развелось! – подумал, но промолчал. – Приятная, пожилая женщина. Даже не скажешь по ней. Только глаза, как... как блюдца. Так и сверкают энергией».

Официант подал меню ужина. На выбор из нескольких блюд можно было заказать первое, второе, третье и десерт.

Мирового привлекли «Северные лангустины» и «Салат из киноа и креветок».

Подали винную карту, в глазах зарябило от обилия стран и названий. Олег с удовлетворением отметил, что выбор вин и напитков впечатляет. Он выбрал для себя бутылочку хорошей, судя по марке, риохи.

А вот Марина остановилась на каком-то коктейле.

Ну, что ж, коктейль так коктейль.

Дамы заказывают воду. «Эвиан».

Бутылка прибывает. Официант открывает. Дает попробовать. Мировой, пригубив, с удовольствием отмечает, что вино качественное. Ну, что ж, как говорится, жизнь удалась.

А за окнами ресторана меняются пейзажи. Рядом величественно проплывают зеленые берега с дачками, новодельными дворцами, лодками рыбаков. Впереди гладь такого домашнего, такого милого, общего для всех мелководного европейского болотца – Балтийского моря.

III

«Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то – масонских лож и другими, закрыть и учреждения впредь не позволять...»

Олег прочитал указ императора Александра Первого от тысяча восемьсот двадцать второго года и захлопнул книгу.

Во время этого длинного перехода до Англии, когда наскучили сидение в кафе и прогулки по палубе, он принялся изучать найденную на верхней палубе книгу. И вот дошел до реакции...

Но обдумывать прочитанное ему сегодня некогда. Потому что «Нью-Амстердам» входит в порт. Это старая добрая Англия.

Он только подумал об указе царя: «Надо же! Столько лет состоял в ложах. Поддерживал. А потом запретил!»

И пошел собираться для высадки на британский берег.

Давно уже миновали те времена, когда Олег Мировой ездил в туристические поездки «как все». С общей для всех программой и неким набором стандартных развлечений. Если Лондон, то обязательно Вестминстерское аббатство, Гайд-парк, Британский музей, музей Шерлока Холмса... Безудержный шопинг. И колесо обозрения над вечной Темзой.

Не нужно ему это сегодня. Пусть народ развлекается, как хочет. А у него своя программа. Его путешествие заранее расписано и подготовлено.

Туристы, разбившись на группы, начали рассаживаться в большие, похожие на слонов, экскурсионные автобусы с кондиционерами, а он со своей спутницей пошел к автомобильной стоянке. Там их ждал «ягуар» с европейскими номерами. Рядом с машиной стоял водитель – полный, одетый в синюю униформу улыбочивый афроамериканец.

А навстречу им уже шел сопровождающий. Юный английский масон. Худощавый молодой человек с прыщиками на лице. Белесые волосы торчком. И неизменная «европейская» улыбка на губах.

– Серж Харитонов! – представился он Мировому. И по-европейски пожал протянутую лопаткой руку Марины.

Портлендский порт показался Олегу пустынным и заброшенным. Но по мере движения автомобиля пейзаж постепенно оживлялся. Дорога петляла среди рощ и холмов. То и дело попадались живописные, игрушечные деревеньки.

Олег посматривал вокруг, сквозь тонированные стекла. И мысли его текли уже в привычной колее.

Мирового раздражал внешний вид спутницы. Ему казалось, что она не слишком соответствовала его статусу. Так сказать, не гармонировала с ним.

«Уже не девочка, а продолжает носить какие-то подростковые топы, юбки, обувь. А они не вяжутся с обликом взрослой, статусной женщины.

И с чего все решили, что она умная женщина? Удивительное дело. Такая вот аберрация мужского сознания. Ведь по сути дела она женщина, скажем так, весьма средних умственных способностей. Но с кем ни поговоришь, все в один голос уверяют, что она очень умная. И говорят это серьезные люди! Или так женское обаяние действует на мужиков? Загадка! Да, загадка!»

Но он старался гасить раздражение. И быть любезным: «Хорошо, что она не пойдет со мною в храм! Пусть развлекается шопингом!»

А в салоне тем временем шел светский разговор.

Серж рассказывал о себе:

– Я учился здесь, в Лондоне. Немного работал. И вступил в английскую масонскую ложу, для того чтобы обрести друзей. Расширить свои знания...

«Естественное дело! Среди братьев немало влиятельных людей. Так что вступление в ложу дает доступ в другой мир! Особенно, если ты приехал из Белоруссии», – подумал Олег, уловив в речи молодого брата едва заметное жесткое «щэ».

«Много сейчас народу из бывшего Союза перебирается сюда, на Запад. Особенно молодых».

При слове «Запад» Олег Павлович вспомнил оставшийся позади Таллин. И усмехнулся про себя.

Таллин. Мечта всех советских людей.

«Кусочек Европы» показался ему маленьким провинциальным городком.

Таксист, который подвозил их из порта в центр, трындел, показывая как достопримечательность гостиницу, где в девяносто первом был штаб гэбистов.

«Да... Небогато у них с событиями, если такую хрень они выдают за достопримечательность».

Таллин – это город без яркой собственной истории. Сонное захолустье Европы. У них всего два главных знаменитых места. Потемневший от времени Домский собор, который построили средневековые немцы. И рядом – большой, роскошный православный собор Александра Невского, построенный русскими.

Ни своей истории, ни своей культуры. Так, что-то среднее.

Улицу, которую разбомбила во время Второй мировой советская авиация, они отметили памятной доской.

«Твою мать! – подумал тогда Мировой, разглядывая эту доску. – В России тысячи деревень и городов немцы превратили в руины! Петербург расстреливали. Петергоф разграбили. Да что говорить! А здесь десяток каменных мешков пострадал, так они вспоминают почти сто лет. Судьба этого народа – вечно быть чьими-то вассалами и прихлебателями».

Затем в памяти нарисовался Стокгольм. Этот город ему очень понравился. Как и Питер, основан на островах. Красавец. Видно, что шведы – не прибалтийские чухонцы. У них все свое – и история, и культура.

Больше всего его удивило надгробие Ярла Биргера. Да-да, того самого Ярла Биргера, который в тысяча двести сороковом году приплыл в устье Невы с войском. И хотел покорить Новгород. Тогда он был молодым зятем шведского короля. Горячим скандинавским парнем.

И юный князь Александр дал ему урок на всю жизнь.

В последние годы либеральные историки с пеной у рта доказывали, что стычка эта была самой обычной. И не такой уж важной в нашей истории. «Вот брехуны! – думал Олег Павлович. – Никакой он не разбойник был, этот Ярл Биргер. Он потом был регентом шведского престола. Четыре года практически правил Швецией. И, между прочим, основал в тысяча двести пятьдесят втором году прекрасный город Стокгольм. И за все это удостоился золотой могилы в центре города возле ратуши, прямо у основания главной башни. Очень сильный и достойный противник. А музей Ваза? Флагмана королевского флота. Это нечто сюрреалистическое...»

Мировой, когда увидел этот уникальный, фантастический корабль, чем-то похожий на воспетый в легендах Летучий Голландец, испытал шок и трепет.

– Если хотите, мы можем взглянуть на Стоунхендж?! – полувопросительно, полуутвердительно говорил между тем юный масон.

Олегу не хотелось тратить драгоценное время на разглядывание кучи камней, расставленных несколькими кругами в поле. Но Марина выказала желание. И он тоже нехотя согласился.

«Ягуар» затормозил на большой обустроенной площадке. И их гид стремительно исчез в покоем на склад здании музейного комплекса.

Они вышли из машины и оказались посреди «стада» больших туристических автобусов.

Мировой с Мариной немедля пристроились к группе русскоязычных туристов, которые только что вывалились из чрева большого «баса». И прислушались к рассказу гида, весьма любопытному рассказу. Женщина-гид в соломенной шляпке отвечала на вопрос дотошной, тощей, как селедка, русской туристки о современных религиях, исповедуемых в Британии.

– Вы знаете, у них здесь сейчас пошло то ли поветрие, то ли мода на древние культы. И набирает все больше сторонников новое интересное течение. Нечто похожее на религию друидов. Это такое дохристианское движение. Верующие собираются в лесах, повторяют и воспевают по книгам обряды волхвов, поют гимны друидов. При этом они считают, что это религия творческая. То есть набирают силу такие религиозные течения, которые подвигают человека к творчеству...

Дослушать этот интересный пассаж Мировому не удалось. На тропинке появился их молодой чичероне с билетами и заявлением:

– Везде есть наши люди! И всегда они готовы помочь!

Через пару минут к ним подкатил экскурсионный автомобильчик. И они покатали по специальной дорожке туда, где торчали, словно выщербленные, съеденные ряды зубов, поднятые над зеленой травой каменные глыбы.

В общем, обошли они пару раз вокруг этих камней. Послушали экскурсовода. Как все эти глыбы-монолиты расположены по отношению к звездам. Какие тут ученые обнаруживают хитрости. Ну и так далее. И тому подобное.

И Мировой заметил Затейкиной:

– Вот до чего же люди молодцы! Из придорожной кучи камней извлекают такую кучу денег! А мы, лапотники!

Вспомнил, что у них в Питере даже в самый пик туристического сезона музеи строго блюдут выходные дни. Не хотят работать. И зарабатывать. Все по старинке. По-советски. А времена уже настали совсем-совсем другие.

Тронулись дальше.

Через пару часов езды по узким, сельским дорогам на горизонте замаячили пригороды Лондона.

Лондон в этот раз показался ему каким-то не слишком интересным.

Мировой, скучая, разглядывал пригородные виды столицы Англии. И одновременно вспоминал Петербург. Как искал «масонские места». Стоял перед дверями дома со знаменитой ротондой. Вспомнил и объявление на этих дверях. Мол, если хотите посмотреть ротонду, упрятанную в нашем доме, то звоните некоему Мухайлу, который проводит экскурсии.

Но Мухайл никак не хотел отвечать на звонки его телефона. (Видно, задолбала его праздничношатающаяся, любопытствующая публика.)

Вспомнил и свое первое посвящение в ученики: нелепый наряд, закатанная штанина, в одном ботинке. Приставленное к обнаженной груди тонкое лезвие шпаги. Сейчас он уже понимает значение всего этого. Для того чтобы изменить сознание человека, надо для начала вывести его из привычного равновесия, удивить, возмутить, унижить. И уже после того как он, растерянный и жалкий, предстанет перед собравшимися, можно лепить из него, размякшего, как глина, все, что вам угодно.

Так действуют не только масоны. Все секты, в том числе и тоталитарные, все бизнес-тренинги. Изолируют человека, запугивают, а потом, подчинив его волю, вдавливают то, что им нужно.

«Ведь мы живем только в нашем сознании. Здесь – в голове – происходит все. Здесь мы становимся героями и подлецами. Здесь создаются миры и великие теории. В сознании мы пишем свою историю. Горюем и радуемся. И только меняя свое сознание, меняем и всю нашу жизнь... А тело? Тело! Оно, в сущности, только исполняет функции. Оно ест. Пьет. Совокупляется. Болеет. Влияет на сознание этими своими действиями. Если отделить сознание от тела – что будет человек? Даже не животное! Животное тоже обладает сознанием. Будет просто кусок мяса...»

Так патетически, как ему казалось, размышлял о высоком Олег Мировой.

А стремительный, с залезанным хищным силуэтом на капоте автомобиль несет его по узкой асфальтированной, обсаженной зелеными деревьями и кустарниками дороге. Мелькают рабочие кварталы. Однообразные многоэтажные дома.

«Как у нас», – думает Мировой, стараясь взглядом проникнуть за занавески окон.

Ближе к центру картина показалась Олегу повеселее. Осталось справа Вестминстерское аббатство с его грандиозными усыпальницами. Проплыла мимо башня Биг-Бена.

Машина начала притормаживать в густом автомобильном потоке, но все равно намертво, как где-нибудь в Москве, не встала. Потихоньку двигалась.

«Вот что значит правильная организация движения», – думал Мировой, разглядывая внушительный фасад гостиницы «Савой».

Наконец цель их визита была достигнута. Грейт Квин-стрит, шестьдесят. Это штаб-квартира Объединенной великой ложи Англии – самой старой, самой знаменитой в мире.

Здание выглядело величественно и пугающе. Оно вздымалось вверх, как огромная каменная пирамида.

И Мировой понял, что это действительно так. Оно и строилось, чтобы быть похожим на пирамиду. Ибо в масонстве все является символом.

Вольные каменщики считают, что пирамида как бы представляет собой человеческое общество. И люди в ней – кирпичики, которые должны быть обтесаны соответствующим образом.

Олег покинул машину вместе с гидом. А Марина уехала. У нее была своя программа.

Пока они стояли у массивного входа с двумя кадками вечнозеленых округло стриженных деревьев по бокам, чичероне объяснил порядок визита:

– Сэр Дэвид получил письмо из Великой ложи России, в котором великий мастер просит принять вас. И он готов это сделать сегодня. Но чуть позднее. Сейчас мы с вами пройдем

вовнутрь. И я покажу вам нашу библиотеку и музей. А затем вы будете приняты помощником великого магистра.

Олег Павлович был готов к экскурсии. Он готовился к ней давно. Прочитал все, что смог найти в Петербурге по интересующим его вопросам. И сердце его наполнилось гордостью и радостью оттого, что сегодня он будет на равных говорить с такими выдающимися представителями их движения.

Он знал, что только третья степень делает вольного каменщика полноправным членом этого мирового сообщества.

– Вообще... – говорил, открывая массивную внутреннюю дверь, Серж. (И это «шэ» сразу напомнило Мировому батьку Лукашенко. И он понял, что как бы ни прятал свое происхождение человек, говор все равно выдаст его.) – Вы, наверное, знаете не хуже меня, что наше движение зародилось здесь, в Лондоне...

Пока гид говорил, Мировой пытался в который раз определить для себя, чем является масонство сегодня.

– Братство вольных каменщиков живет по строгому уставу, – продолжал Серж, – и устав этот появился в восемнадцатом веке...

Мировой вообще-то тоже в курсе того устава или так называемой конституции, по которой живет сегодня Великая ложа России: «Братство Вольных Каменщиков является всемирным и традиционным посвященным орденом. Братство является сообществом свободных людей всех рас, национальностей, сословий и вероисповеданий, чьи совместные труды имеют своей целью познание универсальных принципов бытия и раскрытие высшего духовного начала в человеке».

Он помнил это, конечно. Но все-таки до конца ни это, ни другие определения так и не удовлетворили его.

«Конечно, это не религия в полном смысле этого слова, потому что в масоны принимают людей самых разных конфессий. Масоном может быть и христианин, и мусульманин, и буддист. Да кто угодно! Главное, чтобы он признавал существование некоей высшей силы, высшего разума или верховного существа, которое в масонстве называют Великим архитектором Вселенной или Верховным архитектором всех миров.

Масонство не является и политической организацией. Политические взгляды масонов, так же, как и их конфессиональная принадлежность, не обсуждаются, не рассматриваются в ложах.

Масонство не является клубом в классическом значении термина. И не является корпорацией, так как не производит прибыль или продукцию.

Так чем же оно является на самом деле?»

Ему было интересно, и он надеялся найти ответы здесь.

Пока он точно знал одно: масоны духовно продвигают людей с помощью инициаций и ритуалов, взятых из разных систем, как религиозных, так и эзотерических. В этом их сила! А может быть, и слабость!?

Это он и хотел понять. Для этого он и изучал историю масонов. Чтобы попытаться открыть для себя новые духовные миры. Новые подходы.

«Ну да ладно! Хватит абстрактных рассуждений. Тем более что автоматические двери в музей Великой ложи Англии уже распахнулись. И сопровождающий ждет, чтобы идти дальше. Так войдем же!»

– История Великой ложи Англии началась почти триста лет назад со строительства собора Святого Павла в Лондоне. В старые времена такие огромные здания строили очень долго. Например, этот собор возводили с тысяча шестьсот семьдесят пятого по тысяча семьсот восьмой, а потом, после официального открытия, еще и достраивали.

– В общем, строили они его, строили и наконец построили, – пошутил Мировой.

– Вольные каменщики, собравшиеся здесь со всей страны и, естественно, сдружившиеся, как говорится, спевшиеся, стали собираться в пивных и пабах, – продолжал Серж-Сергеа. – И так уж получилось, что в день праздника Иоанна Крестителя, который совпадает с днем летнего солнцестояния – двадцать четвертого июня тысяча семьсот семнадцатого года – в пивной «Гусь и вертел» они и решили объединиться.

Гид повертел на пальце свой перстень с масонской символикой – циркулем, наугольником и буквой «G» в центре и продолжил:

– Так и появилась Великая ложа Англии. Братья приняли соответствующий устав, разработали символику. И масонство так понравилось всем, что в ложу стали приходить не просто каменщики, туда стали входить очень влиятельные и знатные люди.

Впрочем, вы наверняка знаете то, что я вам рассказываю. Пройдемте дальше.

Необыкновенной красоты голубые витражи на окнах, высоченные, уходящие куда-то в небо потолки, колонны, поддерживающие эти потолки, ярусы скамей из дорогого дерева – все это делало храмовый зал похожим на театр.

Посередине зала находился мраморный алтарь. Золотой стол. У стены, изукрашенный древними гербами и символами, стоял трон великого мастера. На потолке, стенах – везде голубые звезды.

На главной стене солнце и изображение древнегреческого мифа. Фэтон на колеснице, устремленный к солнцу. А над всем этим – всевидящее око. И пятиконечная звезда.

В этом зале Олега не покидало ощущение гармонии, праздника и торжественности. Здесь, как он чувствовал, царил какая-то необыкновенная духоподъемная энергия.

Не разочаровал его и музей английского масонства. Особенно поразил его молоток мастера. Потому что это был не молоток, а произведение искусства.

Здесь же рядом оказался магазинчик, где каждый желающий мог приобрести для себя сувениры-атрибуты масонства: замысловатые ключи, наугольники, циркули, перстни с адамовой головой. А также фартуки вольных каменщиков, плащи, перчатки.

«В этом и сущность масонства, – думал, шагая от витрины к витрине Олег Мировой. – Это не какое-то тайное общество, как у нас частенько пытаются представить его. Здесь все открыто. Все вроде бы на виду. Это общество с тайнами. И эти тайны находятся внутри него».

Ощущение солидности и какой-то неброской роскоши не покинуло его даже тогда, когда он зашел в туалетную комнату. Здесь все было настолько блестяще, вылизано, современно, что он поневоле вынужден был вспомнить старую мудрость менеджеров: «Хочешь понять, каковы дела на фирме, – загляни в ее туалет».

Аксиома эта была многократно проверена и доказана им на практике.

Гид посмотрел на свои «масонские» часы и торжественно произнес:

– Нас ждет помощник великого магистра. Сэр Дэвид Уоттон.

Это был красивый, породистый, холеный мужчина. На его абсолютно круглом лице сидели дорогие очки на тоненьких дужках. Сэр Дэвид встретил Мирового при полном параде. В строгом синем костюме. С черным галстуком. На гладком лице играла самодовольная и в то же время приветливая улыбка.

Мировой отметил хорошую, темного дерева мебель в комнате.

Мировой и сэр Дэвид пожали друг другу руки особым масонским рукопожатием. (Тайна его заключается в том, что большой палец руки накладывается сверху на кисть, которуюжимают.) Но троекратно по масонскому обычаю лобызаться они не стали.

За спиной у сэра Уоттона висел портрет какого-то масона в полном парадном одеянии. В фартуке синего цвета с каймой наподобие конверта. На фартуке вышивка из угольника и циркуля с буквой «G». На груди мужчины висели внушительная драгоценная цепь и орденская лента. На цепи было выгравировано по-английски «Grand England», что значит «Великая ложа Англии».

Перехватив пристальный взгляд Мирowego, хозяин кабинета пояснил:

– Наш великий мастер сэра Эдвард Кентский.

«Голубое масонство, – подумал Олег. – Почему голубое? Может, оттого, что в нем полно аристократов – людей так называемой голубой крови?»

Молодой служка принес на серебряном подносе голубой фарфоровый чайник и две чашки. Разлил.

По кабинету поплыл запах хорошего английского чая.

Мировой прямо купался в этой атмосфере благополучия и благопристойности.

Разговор шел соответствующий – благородный, благолепный и благодарный. О благотворительности.

Сэр Дэвид неторопливо опустил один кусочек сахара в чашку и, помешивая напиток, так нежно заговорил, будто реченька журчит:

– Наш основной принцип по отношению к людям – это доброта. Обеспеченные и просто богатые люди, а их в наших ложах довольно много, отдают свое время и деньги, чтобы помочь другим, будь то на местном, национальном или, может быть, даже планетарном уровне. Поэтому наша ложа является одной из крупнейших благотворительных организаций Великобритании... Мы в общем и целом тратим на эти цели более сорока миллионов фунтов в год...

В этот момент Мировой вспомнил, как в их ложе офицер-казначей со специальным мешочком проходит по рядам, и каждый ее член опускает туда свой взнос. (Кстати говоря, опустив туда руку, каждый член ложи может, если у него есть нужда, взять из этого «общака» столько, сколько ему надо.)

А сэра Дэвида продолжал свой рассказ о том, как они привлекают молодежь в свою старейшую в мире ложу.

– Атрибуты и преемственность – вот наши лозунги. Это ценности, которые мы несем молодежи. У нас в принципе очень серьезный молодежный резерв. Более того, почти двести лет назад в Оксфорде была основана первая университетская ложа «Аполло». Потом такая же ложа появилась и в Кембридже. С тех пор много тысяч молодых людей пришли через эти ложи в масонство. А после две тысячи пятого года мы поставили цель: сделать масонство более доступным для студентов и других членов университетов...

На эту реплику сэра Дэвида у Мирowego возникла критическая мысль: «Что-то среди рабочих каменщиков и дальнобойщиков вы такую работу не ведете...»

Но этот огонек подозрения и сомнения тотчас угас в нем – настолько велико было обаяние речи сэра Дэвида, помощника великого магистра. Так сладко убаюкивали его слова, лившиеся тягуче, как мед, в уши.

Встреча удалась. Под конец визита Мировой сделал снимок вместе с сэром Дэвидом и бравым гидом, который провел его по прекрасному дворцу английских масонов.

Пора было бы, как говорится, и честь знать. Но то ли сам он таков, как все русские, то ли бес его попутал, но Олег вдруг спросил:

– Скажите, а ведь в Советском Союзе наших братьев не было вообще?

Спросил и понял, что попал не в бровь, а в глаз. И куда улетучилась вальяжность его визави? Сэр Дэвид воспрянул, как взлетающий орел, и в голосе его зазвучал какой-то металлический клекот:

– Мой друг, это абсолютно ошибочное мнение. Советский Союз – интереснейшее явление, на которое масонские идеи наложили сильнейший отпечаток. Начиная с момента, когда на шлемах красноармейцев появились пятиконечные звезды, древнейший знак, символизирующий Венеру, до самого распада империи, они управлялись по принципам, заложенным нашими братьями!

Мировой был в недоумении:

– Ведь наши структуры были полностью ликвидированы и запрещены!

– Конечно, сэр! Явных масонских лож не существовало. Но была структура, построенная по нашим принципам. И она управляла страной.

– Это какая?

– Номенклатура! Она образовалась из профессиональных революционеров. Тех, кто сделал революции своей работой. Это были соратники Ленина и Сталина. И они не должны были работать и жить «от сохи». Они должны были существовать на средства от партийной деятельности. Так на заре советской власти уже появился этот слой людей, который в двадцатые годы превратился в слой управляющих. Потом Сталин уничтожил «старую гвардию». Заменял ее новой. Главной ее задачей было умение и желание выполнять директивы вождей. Это была структура, идентичная нашим по своим целям, задачам и методам действия. Поразмыслите на досуге. Была открытая политическая партия – КПСС. В последние годы СССР в ней состояли около двадцати двух миллионов человек. И она, как и масонство, провозглашала, что строит новый мир и творит нового человека. Коммунистического человека. Опираясь, кстати говоря, на те же лозунги, что и масонство: свобода, равенство, братство. Но, как и у нас, у партии была скрытая, внутренняя идеология. И структура, которая ее продвигала. Номенклатура. Ее цель, как и у масонства, – мировая революция! И через нее – мировое господство. Построение общего для всех нового мирового порядка. Создание нового человека. Так что господин Ленин, а потом и господин Сталин были по сути своей настоящими, стопроцентными масонами. По своей психологии. Оболочка была другая. Ритуалы. Но идеология, методы, дух, структура, созданные ими, ничем не уступали, а даже превосходили масонство. Ну, а уж что говорить об эффективности! Захватить власть в огромной империи. А потом распространить ее на половину мира...

– Но ведь и масонство не дремало!

– Да! Я это признаю! Масоны тоже готовили революции. И первую буржуазную революцию в Англии. Думаю, что и Ленин, и Сталин, создавая этот аппарат, много почерпнули из масонства. Отвергнув его символику, философию, историю, обряды, они уловили его главную суть – создание тайного привилегированного класса управлявших людей, в конце концов достигших власти над большей частью мира.

Даже сам прием в партию производился по масонским правилам. Два поручителя из числа членов. Анкета. Клятва, которую страждущий давал в заявлении. Готовность строго подчиняться иерархии.

Затем работа на благо партии. И, наконец, прием наиболее достойных в номенклатуру, этот своеобразный клуб «мастеров».

Затем движение по ступеням номенклатурной лестницы вверх. И чем выше человек шел, тем больше он знал. И тем больше власти имел.

– Да! Здесь что-то есть. А я об этом не задумывался.

– Ведь ваш приход к нам, к масонам – разве это не подсознательное стремление к власти? Номенклатуры больше нет!

«Ой ли!» – подумал Олег Павлович.

– И вы в силу этого неодолимого человеческого стремления пришли к нам. Чтобы быть значительным. Чтобы обрести знания, которые отделили бы вас от тьмы.

Англичанин помолчал с минуту, как бы раздумывая, стоит ли продолжать.

– Люди всегда гордились своей принадлежностью к номенклатуре, – наконец произнес он. – И каждый номенклатурный работник понимал, что он принадлежит к управленческой элите, где власть – высшая ценность. Так что наслаждение от этой тайной власти превышает все другие наслаждения, доступные номенклатуре. Но власть, ее сладость, конечно же, радует только тогда, когда она обставлена соответствующими атрибутами. И такие атрибуты, разумеется, присутствовали в жизни. Номенклатура, упрочившая свое положение в обществе, начала воспроизводиться в детях. Пример подавали сами вожди. Все знают про старшего сына Ста-

лина, попавшего в плен и погибшего там. И знаменитую фразу вождя: «Я солдата на маршала не меняю!» Но это было, так сказать, для публикации. А вот второй сын вождя, юный пропойца Василий, еще не дожив до тридцати лет, уже был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим авиацией Московского военного округа. Зять Хрущева Аджубей мгновенно взлетел по карьерной лестнице до главного редактора «Известий» и стал членом ЦК КПСС. Сын Громыко, Анатолий... Сын Брежнева, Юрий ожидаемо стал, несмотря на молодость, первым заместителем министра торговли. Примеров множество. Правящий класс начал воспроизводить себя в своих детях, внуках и прочей родне. Дети Андропова, Микояна, Косыгина. Такими же аппаратными номенклатурщиками являлись и политработники. Номенклатурные работники по всей вашей стране жили особой, неведомой остальной массе населения жизнью.

Номенклатура – это как бы партия в партии. Ядро. Основа. А партийной массе предоставлялось только право получать руководящие указания. И проводить линию номенклатуры в жизнь. Так что вы могли трудиться сколь угодно добросовестно и профессионально, но если вы не попадали в список номенклатурных работников какого-либо органа партии, то шансов сделать карьеру у вас не было никаких.

Вы должны были стать своим, нужным в том слое, который еще Ленин назвал «советской бюрократией» В каждом ведомстве страны, на каждом предприятии, в каждой организации появился список руководящих должностей, занять которые могли не люди начальника данного ведомства, а люди вышестоящего органа. Был создан и перечень лиц, которые имеют право замещать или занимать такие должности. Как и у нас, масонов, списки номенклатурных должностей были совершенно секретными документами. Уже при Сталине номенклатура стала правящим классом общества. И класс этот создал для себя тайно от остальных граждан страны, тайно от рядовых партийцев особый мир, в который был строжайше запрещен доступ непосвященным. Номенклатура пронизывала все структуры общества без исключения. И даже избираемый Архиерейским собором Русской православной церкви Патриарх Московский и всея Руси был номенклатурным ставленником ЦК КПСС. И жила номенклатура совсем по-другому, чем весь советский народ. У нее были свои дома, свои магазины, санатории, свой аппарат обслуживания...

И пока англичанин говорил, Олег вспоминал свою жизнь под крылом любимой бабушки. Действительно, все было так: персональный водитель, нянька, которая выходила их с братом, повараха, горничная, которая занималась домохозяйством, охрана, садовник. Ими управляла сестра-хозяйка, или, как теперь говорят, экономка. Все эти люди были в полном распоряжении бабушки.

Товары и продукты бабушка и ее люди покупали в специальном магазине, куда простые смертные доступа не имели. Там был полный ассортимент всего импортного шмотья, которое простые граждане могли купить только с рук у перекупщиков.

Полагалась им и так называемая государственная дача. Это был большой дом. При входе холл метров на пятьдесят с камином. Комнаты, бильярдная, солярий, кабинет бабушки, несколько спален.

В городе огромная квартира в самом центре. Везде ковры, вазы, хрусталь, фарфор.

Он оторвался от своих воспоминаний в тот момент, когда стоявшие в углу напольные часы неожиданно начали бить, отсчитывая время. Пора было уходить. Но Олег не был бы самим собою, если бы не задал последний вопрос:

– Но у нашего движения, – теперь уже Мировой сказал о движении как о нашем, считая себя полностью частицей масонского движения всего мира, – есть же идеал, к которому надо стремиться?

– Да, конечно, ведь среди масонов всего мира и раньше, и сейчас полно выдающихся людей. Назвать всех невозможно. Среди них были великие ученые, естествоиспытатели, художники, писатели...

– Ну, а все-таки, где квинтэссенция, в чем масонство добилось, так сказать, идеала? – как все русские, несмотря на свое желание во всем быть европейцем, Мировой все равно по своей внутренней сути русский человек до мозга костей. И, как всем русским, ему нужен идеал. Чтобы вот от сих до сих.

– Я думаю, высшее достижение – это создание Соединенных Штатов Америки – государства, в основу которого положены масонские идеи.

Олег Павлович Мировой снова удивился. Вот уж, как говорится, никогда не думал не гадал.

А англичанин продолжил свою мысль:

– В открытии Америки один из великих масонов Фрэнсис Бэкон увидел возможность для воплощения в жизнь великой утопии – создания нового государства по образцу демократий древности, можно сказать, создания новой Атлантиды. Принятая в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году конституция США была написана масонами, которые были посвящены в очень высокие степени. Самое интересное, что значительная ее часть была позаимствована из книги английского, – сэра поднял назидательно указательный палец, – английского вольного каменщика сэра Джеймса Андерсона. При строительстве столицы Соединенных Штатов города Вашингтона соблюдались все масонские ритуалы. Учитывалось расположение созвездий, астрологически благоприятное время для этого. А Капитолий! Капитолий заложили три знаменитых масона – Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин и Пьер Лафран.

– Франклин – это который на долларовой купюре?

– Тот самый! – торжествующе усмехнулся масон. – А еще на этой купюре, как вы знаете, присутствуют другие масонские символы. Всевидящее око...

– Пирамида! – подхватил Олег.

– Усеченная пирамида. И еще кое-что. Так что наша символика присутствует везде в мире. А столица Штатов буквально нашпигована астрологическими символами – знаками зодиака, звездными картами, краеугольными камнями.

– Кстати говоря, – не удержался, встрял в разговор Серж, – на куполе Капитолия, изнутри, конечно, изображена картина под названием «Апофеоз Вашингтона». На ней показано, как первый президент США возносится на небеса. Становится, можно сказать, богом. Одним из богов. Потому что возносят его и помогают ему боги греческого и римского пантеонов.

– Тоже кстати говоря, все президенты США, когда вступают в должность, присягают на масонской Библии, – с легкой иронией добавил Дэвид.

– Президенты. А почему? – поинтересовался Олег.

– Может, потому что до Гарри Трумэна все президенты США были посвященными масонами.

– Вот как?! – вскинул удивленно брови Мировой.

– Да, всего шестнадцать президентов США были масонами. В том числе – такие известные, как Рузвельт, Джонсон, Форд, Трумэн... Более того, Гарри Трумэн принимал решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в полном масонском облачении – фартуке, перчатках и с наугольником в руках... Есть даже фото.

– Что-то как-то не вяжется это с масонскими идеалами, – слегка смущенный таким открытием, Олег Мировой пробормотал это про себя...

А искренне не понимающий, отчего тут смущаться, старый масон, может быть даже слегка рисуясь, продолжил:

– Да в Штатах в масонах ходят банкиры, сенаторы, директор ЦРУ. Очень много, если не все члены палаты представителей. Губернаторы штатов. Это гордость нации.

– Впечатляюще, – задумчиво произнес Мировой. – Значит, можно сказать, что США – это сбывшаяся золотая мечта? Масонское государство, в котором воплотились в жизнь сокровенные мечты многих поколений вольных каменщиков.

– Можно сказать и так! Да это и не скрывается. Массонские ложи давно уже гордятся своими достижениями. И выставляют их напоказ. В штате Вирджиния есть массонский мемориал Джорджа Вашингтона. Это нечто грандиозное, выдающееся сооружение. Три яруса этой пирамиды, вздымаясь, символизируют рост человеческого интеллекта. Венчает мемориал факел. А внутри – статуя Вашингтона с мастерком, в фартуке, при полных регалиях. И уровни – всего девять. Выше, выше, выше. Чего там только нет! Гроты, крипты, часовни. Огромная библиотека массонской литературы. Да и в самой столице США немало зданий с массонской символикой, принадлежащих ложам... Старинным ложам, которые ведут свою родословную от времен Джорджа Вашингтона. И в них и сейчас проводят массонские ритуалы. Если будете в Вашингтоне, сходите в Потомаскую ложу номер пять. В ней участвовал сам первый президент США.

– То есть такая свободная страна, как Соединенные Штаты, на самом деле несет в себе идеологию массонства?

– Да, конечно!

– Ну а на ваш взгляд, сколько в стране массонов?

– Думаю, что общая цифра неизвестна никому. А вот в Нью-Йорке, по некоторым данным, их более пятидесяти тысяч.

– Так много!? – удивился Мировой, знающий, что есть порядок, по которому количество членов ложи не должно превышать определенное число. В России оно составляет тридцать.

– Ну, что вы! Оно резко упало. Ведь доходило до трехсот тысяч.

– Триста тысяч? – недоверчиво протянул Олег.

– Вся элита Америки – массоны. Или состоит в организациях, созданных вольными каменщиками.

– Фьюить! – присвистнул Мировой.

– Массоны работают вместе с корпусом мира, Ротари-клубами, сотрудничают с ЦРУ... – На этом моменте пожилой массон как-то неожиданно умолк, видимо, решив, что сболтнул лишнего и аудиенцию пора прекращать.

Покидал Олег Павлович музей-ложу очень задумчивым и слегка ошеломленным. Серж-Сережа, юный английский массон из Белоруссии, проводил его до выхода...

На улице Мировой позвонил Марине Затеиной и сообщил, что освободился и готов продолжить путешествие, размышляя вслух о том, куда бы им еще пойти:

– Может, пообедать?

– Я уже поела. Давай ходим в Британский музей! – ответила она.

Он как представил... И отмел:

– Да в музее можно бродить целый день или целую неделю. Там время не имеет значения. И скуотища. Тебя же не интересуют мумии?

– Нет!

– Здесь недалеко есть музей-квартира Шерлока Холмса.

– Да? Как интересно!

В этот момент рядом с Олегом раздалось удивленное восклицание:

– О! Кого мы видим! Это же наш Олег Павлович!

На лондонской мостовой стояли «две М», как Олег окрестил Марию Бархатову и ее старшую подругу Марию Степановну Бобрину.

Первая – нестареющая пионервожатая, круглолицая, как всегда, свежая. Глаза под очками – бусинки. Короткая стрижка. Похожая в своем брючном костюме на актрису-травести, играющую мальчиков. Бархатова с интересом разглядывала внушительную каменную пирамиду массонского храма. Бобриня, круглая, слегка оплывшая, с виду такая плавная, смотрела на него острым взглядом.

– И вы сюда?! – искренне удивился Олег. – Вот не думал, что вас интересуют тайны массонства!

– А мы тоже не думали, что встретим вас здесь! – улыбнулась во весь рот Бархатова. Бобринина – та не улыбалась, а только внимательно и задумчиво продолжала смотреть на Мирowego.

– Вы на экскурсию? – поинтересовалась бойкая Мария.

– Я уже был!

– Понравилось? – спросила старшая «М».

– Да так себе... – неожиданно, не зная почему, ответил он.

В этот момент из соседнего переулка, шурша шинами, выкатил арендованный им автомобиль.

Мировой еще раз любезно улыбнулся. И, открыв заднюю дверцу, нырнул в прохладный, пахнувший каким-то дорогим парфюмом салон.

* * *

За ужином на лайнере Бархатова завела разговор об экскурсии:

– А вы заметили, что наш лайнер тоже черно-белый? Корпус черный, надстройки белые, как пол в масонском храме. Может, это знак какой? – фантазировала она.

Затейкина недоумевающее поглядела на Мирowego: «С чего это она задает такой вопрос?»

А Олегу Павловичу стало приятно, и он охотно поддержал разговор:

– Да, конечно, заметил.

– Очень интересная была экскурсия, – вступила Бобринина. – А какие у них интересные знаки и форма...

– Милый, а что ж ты меня не взял с собою? – устремив на него пристальный взгляд, фальшиво-пошло «лукавым» тоном спросила Затейкина.

– Дорогая, – в тон ей, стараясь быть любезным, ответил Мировой, – ты никогда не проявляла никакого интереса к такого рода вопросам. Я думал, тебе абсолютно все равно, где скупать... – Он хотел было добавить, мол, тебе в магазинах намного лучше, но посчитал, что это будет грубостью и бестактностью по отношению к спутнице, которая уже начинала раздражать его.

– А что означают все эти таинственные символы? – разглядывая буклет, изданный на английском, спросила Затейкина. – Все какая-то абракадабра.

– Это все достаточно просто! – сказал Мировой. – Циркуль – небесный план. Наугольники – символ земного плана в Боге. Уровень – равенство всех братьев, всех людей перед Богом. Отвес – праведность. Духовная прямота. Молоток – символ власти.

– Ну, а меч? Для чего каменщикам меч? – спросила уже Бобринина.

– Ну, посвящают мечом, – ответил Мировой.

– Но это же из другой оперы, – усмехнулась Бобринина. – Это из рыцарства.

– Скорее всего, дело в том, – высказала свою версию госпожа Бархатова, – что со временем в вольные каменщики валом повалили люди благородных сословий. И им хотелось, чтобы ритуалы проходили покрасивее. Не просто с молотком. Но чтобы это было связано с рыцарством средневековым!

– Да, интересная точка зрения, – заметил Олег Павлович.

– Мне кажется, в масонстве чего только не намешано! – заговорила снова Бобринина. – Вот для чего, скажите, все тут свалено в одну кучу? Эта каменная пирамида на долларе... Всевидящее око, череп и кости. В общем, каждой твари по паре...

– Ну, так как масонство ведет свою родословную от каменщиков, оно и показывает, что люди – это как бы кирпичи в пирамиде. Обтесывать этих людей, строить из них новый мир, новую жизнь – вот суть этой символики, – объяснила вторая Мария.

– Ну а при чем тут Соломон? И китайские символы инь и ян?
– Символы и знаки идут от времен Египта, – ответила Бархатова, – от строителей пирамид и культа бога Солнца Атона.

– По-моему, они специально все смешали и запутали. Для того чтобы морочить людям голову своими тайнами, знаками, черепами и прочей чертовщиной, – заметила ворчливо Бобринина. – Не мне, конечно, судить. Но, похоже, это так.

На этом разговор и закончился. По крайней мере, на нынешний быстротекущий день. Потому что назавтра их ждала прекрасная Франция.

IV

При переходе в Гавр поднялся дикий ветер. Гигантские черные волны длиной от горизонта до горизонта одна за другою накатывали на корабль. В закатном солнце, которое медленно опускалось за кормою, океан блестел, как масляный.

«Нью-Амстердам», который до сих пор игнорировал волнение и всегда шел прямо «по ниточке», как паровоз по рельсам, на этот раз закачался.

Мировой ощутил качку в тот момент, когда пошел в душ. Он пару раз толкнулся плечами в дверном проеме. И понял, что океан штормит.

Сегодня они с Мариной для разнообразия решили позавтракать в ресторане самообслуживания, который был расположен на девятой палубе.

Семибалльное волнение и ветер скоростью восемнадцать метров в секунду не лишили их аппетита.

Этот ресторан был похож на хорошую столовую самообслуживания.

Здесь не было тех разносолов, которые подавали вечером за ужином. Меню попроще и пища привычнее.

Улыбчивые малайцы в белом, с колпаками на голове быстро накладывали беспокойным пассажирам те кусочки, на которые они укажут пальцем.

Мировой взял из стопки большую нагретую тарелку и нагрузил ее сосисками с картофельным пюре, поставил на поднос кружку с кофе из автомата. Его длинноногая спутница довольствовалась овощным салатиком и фруктами.

Наполнив подносы, они отправились вдоль длинной палубы, чтобы найти себе место у окошка.

Во время этого затруднительного путешествия у Мирового сработал давно забытый инстинкт моряка, и он сам не заметил, как начал широко, циркулем, расставлять ноги.

Все места у панорамных окон были заняты. Но они увидели сидящую Марию Бархатову и пристроились к ней.

– Здравствуйте! К вам можно?

– Здравствуйте! – улыбнулась она. – Конечно!

– А где Мария Степановна? – поинтересовалась Затейкина.

– Ей слегка нездоровится, – любезно пояснила Бархатова, – ее укачивает. Вы не знаете, где выдают таблетки от укачивания? Она просила взять...

– Наверное, на ресепшн!

– Надо будет зайти, – задумчиво проговорила Бархатова. – Сегодня у нас Париж! И, как говорил Генрих Четвертый, «Париж стоит мессы».

– Да, Париж... – поддержал разговор Мировой. – Я был там несколько раз. И скажу просто, как сформулировал для себя: «Нет в мире города красивее, чем Париж!»

– Ну, ты уж перегнул, – вступила в разговор Марина, – неужели Рим или Прага хуже?

– У нас еще будет возможность сравнить, – принимаясь за еду и аккуратно манипулируя ножом и вилкой, ответил Мировой.

– Ой, смотрите! Смотрите! – воскликнула Затейкина и кивнула вниз, за окно.

А там, подпрыгивая оранжевым поплавком на волнах, рядом с лайнером двигался небольшой закрытый катер. Он шел одним курсом и постепенно приближался к черному корпусу.

– Это, наверное, лоцманский катер подходит! – заметил Мировой. – Сейчас он должен будет высадить к нам на борт лоцмана, чтобы тот завел нас в гавань...

И точно: катерок, приплясывая, в какой-то момент легко коснулся борта лайнера. В том месте, где уже была открыта дверь и стояли наготове люди в спасательных оранжевых жилетах.

Несколько секунд – и седой сухой бородатый одетый в форменный костюм человек перепрыгнул с катерка на борт судна.

«Поплавок» отскочил в сторону и, посигналив, лег на обратный курс.

Через пару минут его уже не было видно за волнами.

– А откуда вы знаете, что это лоцман? – удивилась Бархатова.

– В молодости я ходил в море! – нейтрально ответил Олег Павлович, аккуратно складывая на краю стола белую салфетку.

– Да?! А я и не знала! – удивилась Марина.

Ведомый твердой рукой лоцмана, лайнер переложил галс. И, судя по всему, начал приближаться к чуть виднеющемуся вдалеке пологому мрачному берегу.

Сильный боковой ветер пытался развернуть судно. Весь гигантский корпус подрагивал от напряжения, борьбы.

Но лоцман ювелирно провел его между двумя башенками с горящими фонарями в гавань.

Тут, за каменной стеной бухты, волнение сразу спало. Но северный ветер продолжал дуть крепко и быстро завел борт корабля к причальной стенке.

– А знаете, что сегодня тринадцатое число и пятница? – заметила Мария Бархатова, рассматривая в окно, как далеко внизу, на пирсе рабочие в оранжевых куртках и пластмассовых шлемах тянули канаты и заводили швартовы.

– И что означает эта пятница? – спросила Затейкина, пытаясь понять, что хочет сообщить ей эта эрудированная и решительная дама.

– В пятницу, в тысяча триста седьмом году, тринадцатого числа французские власти по приказу короля начали штурмовать орден тамплиеров в Париже. С тех пор этот день называют черной пятницей во всем мире.

– Да, интересная история. Тамплиеры и масоны. Какая между ними связь? А ведь какая-то связь есть. Я где-то читала, – в тон ей ответила Марина, словно пытаясь доказать: и мы, мол, не лыком шиты и не лаптем щи хлебаем.

* * *

В конечном итоге женщины договорились до того, что решили: на экскурсию по Парижу, точнее по местам, связанным с тамплиерами, они поедут вместе.

Вместе так вместе. Олегу было все равно. И даже приятно. Перспектива таскаться по городу на пару с Мариной его мало вдохновляла, потому что он от нее уже устал. А так – бабы интересные. Есть хоть о чем с ними поговорить.

Гид у них сегодня из бывших беглых – то ли дворян, то ли диссидентов советской поры. Представился Мишелем. То ли Безухофф, то ли Бездухофф – Олег не уловил. Но видно было, что этот толстый и лысый, в очках потомок эмигрантов какой-то там волны, город знает и любит. За это Олег Павлович стал звать его про себя то обрусевшим французом, то офранцузенным русским.

Они дружно сфоткались на фоне собора Парижской Богоматери, поглядели на город с высоты Эйфелевой башни, постояли у стеклянной пирамиды во дворе Лувра. И очутились наконец на острове Сите.

Мишель привел их к небольшому скверу на оконечности острова:

– Благодаря Виктору Гюго, – говорил он, – все знают собор с его химерами и романтической историей. Но на этом острове, который, собственно говоря, является сердцем Парижа, произошло немало других событий. Ведь отсюда и начался собственно город. Начался еще в римские времена. До нашей эры.

Дождавшись, когда «русо туристо» проникнется значительностью момента, гид продолжил уже более конкретно и вдохновенно:

– Малое число людей помнит, что вот на этом месте произошло восемнадцатого марта тысяча триста четырнадцатого года.

– Здесь сожгли тамплиеров! – тихо прошептала Бархатова Затейкиной за спиной у Олега.

– Восемнадцатого марта тысяча триста четырнадцатого года, – торжественно продолжил Мишель, – здесь закончилась история рыцарей-тамплиеров...

«Но одновременно, – подумал Олег, – началась история рыцарей-масонов».

– Семьсот лет назад на этом поле стояли в позорном рубище великий магистр ордена Жак де Моле и главный прецептор тамплиеров Нормандии Жоффруа де Шарни...

Да, время стирает все. Туристы смотрели на небольшой уютный скверик, похожий на огорожок, украшенный деревьями и скамейками вокруг. На цветочки. На сидящих, перекусывающих. И не могли поверить, что здесь кипели страсти, горели, как факелы, люди и раздавались проклятия и крики боли...

– Я расскажу вам немного об истории ордена. Потому что понять его конец, не зная начала, невозможно. В тысяча девяносто шестом году из Европы на Восток, – Мишель протяжно, с неподражаемым французским прононсом, начал свой рассказ, – двинулся первый Крестовый поход. Рыцари шли, чтобы в том числе вернуть завоеванный мусульманами Иерусалим с Гробом Господним.

Они одержали победу, и вслед за ними на Святую землю двинулись тысячи паломников. Путь был труден и опасен. Поэтому все летописи тех времен сообщают, что благородные рыцари-крестоносцы решили основать орден, который будет защищать паломников от нападений.

Сначала основоположников ордена было только двое. Потом к ним присоединилось еще семеро. За ними последовали другие.

Как пишет Чарльз Эдисон, «воспламененные военно-религиозным пылом и воодушевленные святостью дела, которому они посвятили свои мечи, они назвались “бедными рыцарями Иисуса Христа”. Они отреклись от мира и его удовольствий и принесли обеты вечного целомудрия, смирения и бедности». Дошло до того, что на печати ордена изобразили лошадь, на которой сидят два рыцаря. То есть показали, что они настолько бедны, что вынуждены ездить по двое!

Мишель перевел дух.

– А что было на самом деле? Если уж рассуждать по-современному, с точки зрения маркетинга и рынка. Рыцари увидели, что существует потребность в услуге – охране паломников, их имущества и денег. И решили эту потребность удовлетворить. И заработать на этом.

Мировой и женщины с большим интересом вслушались в речь этого апологета капитализма.

– Это была чисто капиталистическая история. Они начали с пиара. Обратились к королю Болдуину. Тот дал им рекомендательные письма. И они, пользуясь ими, собрали под свой бизнес-план пожертвования от королей и многих знатных людей. Недалеко от храма Гроба Господня, на горе Мориа, им отвели под жилье храм, который называли храмом Соломона. Отсюда

и пошло их такое название – храмовники. Конечно, они сражались с неверными и разбойниками. И слава об их подвигах разлетелась по всей Европе. Но мало кто из исследователей и авторов рассказывает о том, на чем больше всего они разбогатели.

– На чем? – спросила Марина.

– Тамплиеры стали первыми европейскими банкирами и ввели в обращение векселя! – с воодушевлением ответил Мишель. – Как это работало? Да очень просто! Какой-нибудь богатый паломник собирался ехать в Иерусалим. Ехать долго. Дорога длинная. Тяжелая. Надо брать с собой много денег. А по дороге лютуют грабители, вымогатели, просто бандиты. Как сохранить средства? Храмовники предложили: вы сдаете деньги в кассу здесь, у нас. Предположим, во Франции. И получаете вексель на эту сумму. Приезжаете на место. Сдаете вексель. И на месте получаете свой вклад. Ну и, конечно, платите за эту услугу. Поток паломников был неиссякаем. И деньги к тамплиерам текли рекой, – Мишель сделал ударение на словах «деньги» и «рекой». – Кроме того, в уставе ордена прописаны были отношения с женатыми братьями. Были, оказывается, и такие: «С женатыми братьями так предписываем вам себя держать, чтобы если они просят благодеяния и участия вашего братства, то пусть завещают часть своего имущества и все, что приобретут после вступления в орден, после своей смерти казне ордена...» Всем воинам, принесшим обет, было позволено иметь землю и людей. «...Итак, мы законным порядком призываем, хотя вы и называетесь воинами Христа, чтобы за выдающиеся успехи и особенную честность вы сами имели дом, землю, людей и владели крестьянами...»

Правда! Вот такой интересный орден. Мало того, в соответствии с папской буллой тамплиеры имели право не платить налоги и сами собирать налоги с других. И не подчинялись юрисдикции местных властей. То есть они становились государством в государстве.

Все эти льготы и привилегии, а также предприимчивость и деловая хватка братии привели к тому, что орден тамплиеров, начинавший как символ бедности под покровительством королей, превратился в самого богатого и могущественного ростовщика Европы.

В общем и целом, можете себе представить положение рыцарей-храмовников. Богаты, знатны, знают тайнства. И никому не подчиняются. При этом все в белом... Конечно, такое положение порождало зависть. И желание отнять эти богатства. Время шло. Сарацины постепенно начали вытеснять христиан со Святой земли. После ряда неудачных попыток провести Крестовые походы европейцы убралась с Ближнего Востока. В тысяча двести девяносто первом году пал последний оплот ордена – крепость Акнон. И резиденция главы ордена была перенесена на Кипр. То есть у тамплиеров было отнято их поле деятельности. В ордене больше никто не нуждался. Он стал предметом всеобщей недоброжелательности. Его ненавидели везде, где были подразделения ордена. А находились они почти во всех европейских государствах того времени: Франции, Англии, Германии, Португалии, Кастилии, Италии, Венгрии. На братство, наделенное привилегиями и всяческими милостями пап, ополчилась церковь. Назревал кризис.

Мишель прекратил свой рассказ и предложил группе подняться на находящуюся рядом площадку. Здесь они обнаружили конный памятник. И Затейкина, ни минуты не сомневаясь, спросила в простоте душевной:

– Это памятник тамплиерам?

Все участники похода слегка потупились с улыбкой на устах. Но Мишель, видно, повидал немало современных туристов. Поэтому без тени насмешки, вполне серьезно объяснил:

– Это конный памятник королю Генриху Четвертому.

– Тому самому, который сказал, что «Париж стоит мессы» и перешел в католичество, чем спас свою жизнь? – уточнил Мировой.

– Ну да! Но это его, как и женитьба на Марии Медичи, не спасло. Его убил фанатик. А жена после его смерти поставила ему памятник.

– Так это тот самый, из романа Дюма «Королева Марго»? – опять подала голос Затейкина.

– Да, да!

– А вот смотрите, на решетчатом металлическом заборе висят замки. Как у нас!

– Ну, современные влюбленные парочки облюбовали это место. Судя по всему, в память о любви Марии Медичи и ее мужа. Вот и вешают замочки.

Пока все разглядывают памятник, Мировой обращает внимание на небольшую группу молодых туристок. То ли японок, то ли кореянок. Одетые во все разноцветное, по нынешней моде «аниме», эти трогательные, раскрашенные девчонки делают селфи на фоне монумента. И среди них он примечает одну. У Мирового екает сердце. Так она похожа на его первую любовь...

Было это в Крыму. Он – молоденький лейтенант. А она звалась Татьяна.

Отец кореец, мать русская. Черноволосая, раскосая, но белокожая, нежная девушка. Узкие щелочки глаз. А поверх огромные круглые очки, делавшие ее похожей на таинственную бабочку. Тоненькая талия и округлые налитые прохладные бедра. Постоянная улыбка на устах. И небрежно затянутый поясик на халатике. Растопила она тогда сердце русского моряка. И сейчас вызывает щемящее, ностальгическое чувство.

Он вернулся обратно, услышав вопрос Марины:

– Так, а где же сокровища тамплиеров? И были ли они?

– Мы дойдем до этого вопроса. Всему свое время! – ответил Мишель, поправляя свои очки. Видно, что ему было неприятно, что его перебивают, но он продолжил:

– Все считают, что тамплиеры пали жертвой жадности папы и короля. Скорее всего, так оно и было. Им захотелось получить их сокровища, и они решили обвинить рыцарей в ереси. Следствие и суд шли долго. Очень долго. Рыцарей пытали и в конце концов, что не удивительно, приговорили. Восемнадцатого марта у собора Парижской Богоматери – вот здесь – был построен эшафот. При большом стечении народа прево, королевский чиновник, зачитал приговор оболганному ордену, обвиняемому в богопротивных грехах и несправедных деяниях. Братьев тамплиеров обвиняли в поклонении мумифицированной голове: «У этого идола вместо глаз два карбункула, яркие, как сияние неба, и к нему тамплиеры обращали свои моления и уповали на него всем сердцем как на Бога». Их обвиняли в сжигании тел умерших братьев и добавлении этого пепла в пищу и питье братьев-новобранцев. Это чтобы они укреплялись в идолопоклонстве. Некий Гильом Парадон – лживый монах-историк – всерьез повторяет эти лживые обвинения: «В тайных пещерах они поклонялись истукану и приносили ему жертвы. Желających вступить в орден призывали отречься от Иисуса Христа и попать ногами святой крест. После всего этого они устраивали оргии. Гасили все лампы в пещере, и начиналась оргия с женщинами и девушками, обманом завлеченными туда. Если у тамплиера рождался ребенок от одной из женщин, они вставляли в круг и передавали этого младенца по кругу из рук в руки, пока тот не умирал. Затем они поджаривали его и умащали его жиром своего истукана...» В общем, весь этот бред они должны были подтвердить под пытками. А пытали их чудовищным образом. Их ноги поджаривали на раскаленном огне, им вырывали здоровые зубы, подвешивали к половым органам тяжелые грузы... Не буду даже дальше продолжать... Это была жестокость, вызвавшая изумление всей Европы.

Пока гид переводит дух, Олег с площадки смотрит на обтекающую остров Сену: «Да, увидеть Париж и умереть. Не зря на этот счет так серьезно высказывались наши предки. Красивый город. Но чужой. Впрочем, наш Питер не хуже. А в чем-то, может быть, и лучше... Так что же я ищу здесь? Что? Что-то важное для себя...» Но он не успевает додумать эту ускользающую мысль, потому что Мишель продолжает рассказ:

– После того как парижский прево огласил приговор оболганному ордену, на помост вывели четырех тамплиеров, закованных в цепи. Епископ Альба – был такой – зачитал народу их признания, а после обратился к рыцарям, требуя принародно покаяться в ереси и признать вину ордена. Двое покорно признали вину и избежали казни. А вот великий магистр Жак Моле

не стал. Он подошел к краю эшафота, поднял скованную руку и прокричал, что ложь есть преступление против Бога и людей: «Я признаю свою вину, – воскликнул он, – которая состоит в том, что я, к своему позору и бесчестию, из-за страданий и невыносимых пыток и страха смерти лжесвидетельствовал, приписав постыдные грехи и беззакония ордену, который самоотверженно служил христианскому делу. Я не вправе бороться за свою жалкую и презренную жизнь и продлевать свое ничтожное существование, преумножая высказанную, но малодушную ложь».

Второй рыцарь также стал клятвенно заверять всех в своей невиновности. Тут прево с подручными прервали их. Схватили. И потащили обратно в тюрьму. Король Филипп, узнав об этом, в ярости приказал немедленно казнить обоих благородных рыцарей. Вечером их вывели на это место и сожгли на медленном огне...

Все молчали, подавленные рассказом гида, воочию представляя смерть мучеников-тамплиеров.

– Но это еще не конец истории. Говорят, во время казни великий магистр проклял короля и папу. Он кричал, что вызывает их на Божий суд и что они скоро предстанут вместе с ним перед Господом. И участь их будет незавидна. Так и случилось. Ровно через год папа умер от дизентерии. Его тело перевезли в церковь в его резиденции. В ночь перед погребением в церкви произошел пожар. Останки понтифика сгорели. Его сокровища, которые он копил всю жизнь, были похищены грабителями. Король Филипп, отличавшийся завидным здоровьем, тоже через год скончался на сорок седьмом году жизни. От приступа непонятной болезни.

Его советник Ангерран де Мареньи, который и предложил королю расправиться с тамплиерами, чтобы завладеть их сокровищами, был повешен по приказу преемника короля. Вскоре умерли один за другим великий инквизитор Франции и второй инициатор дела тамплиеров – советник короля. Французский писатель Ренуар, занимавшийся историей тамплиеров, пишет, что «...история свидетельствует, что всех тех, кто участвовал в преследовании тамплиеров, постигла несвоевременная и презренная смерть».

Род короля Филиппа тоже постигла кара. Умерли все его сыновья. И в тысяча триста двадцать восьмом году, после преждевременной смерти третьего сына, династия Капетингов прекратила свое существование. Еще хуже пришлось английскому королю Эдуарду Второму, который тоже поднял руку на тамплиеров. Он был свергнут с престола заговорщиками и убит в замке Беркли. Так как он был гомосексуалистом, заговорщики убили его зверски, воткнув раскаленную металлическую кочергу в задний проход...

Все замолкли, глубоко потрясенные окончанием рассказа. С минуту они стояли, молча вслушиваясь в пение птиц и воркование голубей. Один из них, белый-белый, сел на голову статуи.

«Белый, как плащ тамплиеров», – подумал в этот миг Мировой.

Наконец, когда они пошли к своему микроавтобусу, Марина Затейкина, видно, чтобы прервать угнетающее молчание, снова спросила:

– А что же богатства тамплиеров? Они-то достались Филиппу?

– Нет! Богатства так и не нашли. Какие-то крохи. До сих пор любители приключений ищут. Но ходит легенда, что за несколько дней до ареста тамплиеры, которых, видимо, кто-то известил о планах короля и папы, снарядили целый караван судов, погрузили на него какие-то сундуки. И караван отплыл в неизвестном направлении. Земли и недвижимое имущество, а также храмовые драгоценности и доходы поделили между собой короли и владельцы тех земель, где были прецептории ордена храмовников.

– Так были они виноваты или нет? – выпытывала Затейкина. – В чем их вина?

– В том, что были богаты! – ответил, шагая к микроавтобусу, Мишель.

– Мне кажется, что это чисто материалистическая точка зрения, – тяжело ступая по ступеням, вступила в разговор Бобриня.

– А в чем же была, на ваш взгляд, настоящая вина тамплиеров? – теперь уже спросил Мишель.

В разговор вклинилась Маша Бархатова:

– Тамплиеры, скорее всего, так же как и катары или альбигойцы – чистые, как их называли, были людьми широких взглядов. Кстати говоря, тамплиеры иногда спасали катаров, когда на них велась охота. Кроме того, судя по неким отрывочным сведениям, они были знакомы со многими древними учениями, такими как индийские Веды, Упанишады. Изучали, возможно, еврейскую Каббалу. И, судя по всему, верили в единого Бога...

– Да, милая моя! – садясь в машину и прикрывая дверь, заметила Бобринина. – Еще Блаватская высказывалась по этому поводу, кажется, так: «Их тайной целью была свобода мысли и восстановление единой и всеобщей религии...» Кроме того: «Ошибочно будет утверждать, что этот орден только впоследствии стал антикатолическим. Он был таковым с начала, и красный крест на белом плаще, орденском одеянии, имел то же самое значение, как у каждого посвященного любой страны. Он указывал на четыре стороны света и являлся эмблемой вселенной».

– Так что тамплиеры были наказаны, с точки зрения католицизма, очень даже правильно!

– Но, как я понимаю, – подхватила мысль Мария Бархатова, – на этом история не закончилась? И дело их не погибло?!

– О тамплиерах вспомнили через три века. Ходят легенды, что гонимые рыцари переродились в вольных каменщиков, – ответила подруге Бобринина.

Японский минивэн катил по улицам Парижа. За окном сменяли одна другую картины городской жизни. Общее внимание привлек грозный боевой замок с круглыми башнями, стоящий на набережной Сены, тюрьма Консьержери.

Разговор в салоне оживился. Бархатова заметила:

– Общество новых рыцарей храма возникло, когда потомки рыцарей-тамплиеров отвергли обеты и начали вести светскую жизнь. Они объединились в тысяча семьсот пятом году под водительством герцога Филиппа Второго Орлеанского, который провозгласил себя магистром ордена. А уже через двадцать лет в Лионе появился некто, кто объявил себя графом Сен-Жерменом. И этот Сен-Жермен призвал потомков рыцарей-тамплиеров к мщению королям. В какой-то момент легенды «новых тамплиеров» сливаются с масонскими. У масонов появляются новые степени и обряды, показывающие смерть великого магистра.

В конце концов появляется у масонов и тридцать третий градус, который называется степенью Рыцаря Кадош. И его лозунг мести за тамплиеров: «Делай что должно, и будь что будет!»

– Да, это, так сказать, лицевая сторона медали, – отметила Бобринина. – Но была и обратная сторона. Рыцарь степени Кадош тоже придерживался не только христианских догматов. Он изучал священные книги мира – индийские Веды, Упанишады, египетскую Книгу Мертвых...

– И что, они, масоны – точно наследники рыцарей? – поинтересовалась Затейкина.

– Это вряд ли!

– А давайте заглянем в интернет. Там есть все. Ну-ка! Что пишут о связи тамплиеров и масонов сами масоны? – продолжила тему Затейкина. – Сейчас я введу запрос. Вот видите. Читайте, – и сама же начала читать статью на экране смартфона. Вот что пишет в письме по этому поводу некто мистер Чарльз Созерэн, американский масон самых высших ступеней, познавший, может быть, все тайны масонства: «Современные тамплиеры, на которых вы ссылаетесь в вашем письме, это только сороки в павлиньих перьях. Целью масонских тамплиеров является сектарианизация или, вернее, христианизация масонства...»

– А я нашла слова Блаватской, которая в своей книге «Разоблаченная Изида» так характеризует этот процесс, – продолжила Мария Степановна Бобринина: «Нынешним рыцарям-тамплиерам Парижа хотелось бы оказаться непосредственными потомками древних рыцарей, и они

пытаются доказать это документами, внутренним распорядком и тайными учениями. Форес говорит, что братство франкмасонов было основано в Египте, Моисей передал тайное учение израильтянам, Иисус – апостолам, и отсюда оно перешло к рыцарям-тамплиерам. Такие выдумки необходимы... для утверждений, что парижские тамплиеры являются отпрысками древнего ордена».

В дело вновь вступила Мария Бархатова:

– Я нашла слова того самого Рамсея. Иезуита Рамсея. Это он начал вести эту линию, якобы тамплиеры и масоны – родня. Этот иезуитский выкормыш как-то произнес судьбоносную речь о происхождении масонов от рыцарей-крестоносцев. В ней он в частности говорил следующее: «...само слово “франкмасон” не следует понимать буквально... как если бы основатели нашего ордена были простыми работниками-каменотесами... Они были истинными князьями религии и воинств, намеренными всячески защищать и просвещать живые храмы Всевышнего». Это попытка ордена иезуитов вернуть масонов в лоно католической церкви. Где-то она удалась, как в Шотландии. Где-то провалилась.

Мировому, который внимательно вслушивался в эту дискуссию с помощью айфонов, было не слишком приятно. Не каждому хочется знать, что к развитию масонства, как говорится, руку приложили эти исчадия ада иезуиты. И он пытался как-то сгладить тот эффект, который, несомненно, чувствовали все ехавшие с ним. Он заметил, защищая братьев:

– Ведут масоны свою родословную от тамплиеров или нет – это вопрос! Но то, что они провозгласили и проводили в жизнь лозунги свободы, равенства, братства, – это факт. Они двигали историю мира и делали все для духовного просвещения человечества.

Неожиданно его поддержал с переднего сиденья Мишель:

– Конечно, масоны, как бы мстя за судьбу тамплиеров, поставили цель – свержение власти королей и борьбу с папами. В музее вы увидите масонскую медаль. На ней изображен куст лилий – королевский символ, пораженный мечом. И надпись, которая гласит: «Мечь дает свой урожай!»

– Это точно! – продолжила заглохший было разговор Бобриня. – На масонских встречах проводились символические обряды – казнь манекена короля Филиппа Четвертого. А ритуалы – такая вещь, что создают при частом повторении эгрегоры – энергетические образования, которые разрушают власть...

* * *

Луксорский обелиск, привезенный из Египта, они увидели издали. В центре площади Согласия стоял прекрасный темный фонтан со статуями, изображающими города Франции.

Вокруг площади – прекрасные здания министерств с колоннами и лепниной.

– Во время Великой французской революции тут стояла гильотина, – начал новую тему, протирая на ходу запотевшие круглые очки, Мишель. – Здесь лишился головы и Людовик Шестнадцатый.

– Говорят, он был слабовольный человек. И недалекий, – заметил Олег.

– Знаете, – как-то даже встрепенулся Мишель, – историю пишут победители. А король вел себя достойно. Он приехал сюда в открытой коляске. Сам поднялся на эшафот. Ему хотели связать руки. Он сопротивлялся.

Тогда к нему подошел священник. И сказал, что Господь Иисус Христос принял свою смерть безропотно.

И король согласился.

Перед самой казнью он произнес что-то в этом роде: «Пусть моя кровь послужит процветанию Франции».

– Я читала, – заметила Бархатова, – что к смерти короля были причастны масоны.

– Опять масоны?! – удивилась Затейкина. – Везде они!

– Это очень запутанная история! – сказал гид. – Мы можем только вспомнить факты. Так, один из исследователей масонства, бывший иезуит аббат Баррюэль пишет в своих четырехтомных мемуарах по истории якобинцев, что еще задолго до начала революции были проведены всемирные конгрессы масонов. И на этих собраниях были приняты решения об уничтожении короля.

Конечно, масоны всегда скрывают свои планы, но факты – вещь упрямая. А они говорят, что некоторые члены лож, участвовавшие в этих собраниях, были так поражены, ошеломлены тем, что там происходило, что навсегда покинули их. А те, которые могли выдать тайну, были попросту убиты.

Во всяком случае, граф де Вирье, который участвовал в конгрессе от французских масонов в качестве делегата, покидает масонство и говорит: «Я не могу открыть вам того, что там происходило, скажу только, что это серьезнее, чем вы думаете. Заговор, который составляется, так хорошо обдуман, что монархии и церкви нет спасения».

Такая вот история.

– Но как могло получиться, что масонство, которое работает на духовное совершенствование человека, вдруг оказалось организацией заговорщиков? Я в это не верю! – заявил Мировой, которого здорово задел этот наезд на вольных каменщиков. – Скорее всего, это клевета!

На этот раз, кажется, оказался задел гид:

– Да, масоны провозгласили своим лозунгом: «Свобода, равенство, братство». И этим они привлекали к себе людей. Много людей. Но это такая система, в которой все обязаны подчиняться – низшие ступени высшим – беспрекословно. И зачастую низшие ступени не знают даже, кто отдает им приказы.

– Ну давайте не будем спорить! – попыталась примирить спорщиков Бобринна. – Ведь это все дела давно минувших дней. Так сказать, преданья старины глубокой. Хотя что же говорить, – все-таки не выдержала она, – все якобинцы по сути своей были масонами...

– Или иллюминатами! – подсказала Бархатова.

– А это еще кто такие? – спросила Марина Затейкина. Ей, по-видимому, было интересно.

– Фактически братья масонов, – заметила с иронией Бархатова. – Давайте обратимся к нашему просвещенному другу – интернету! – добавила она.

Быстро набрала несколько слов на дисплее своего айфона и буквально через несколько секунд уже цитировала нужный текст.

– Вот, пожалуйста. Программа деятельности ордена. Да еще какая! «Заботиться, чтобы журналисты не возбуждали сомнений насчет наших писателей. Необходимо сделать наши принципы модными, дабы молодые писатели распространяли их в обществе и таким образом, помимо своей воли служили нашему делу. Необходимо также, чтобы приобрести приверженность пылких голов, горячо проповедовать всеобщие интересы человечества.

Каждый из нас должен обязаться осведомлять наших старших о должностях, службах, выгодах и иных почестях, которыми мы можем располагать или которые мы можем получить путем рекомендаций, чтобы наши старшины получали таким образом возможность замещать эти должности достойными членами нашего ордена, служа им порою, дабы незаметно видоизменить окружающий мир.

Сильных мира сего необходимо окружить легионом неутомимых, направляющих всюду дела по предначертаниям ордена. Давите всех, кого вы не сумели убедить!» Эти идеи были восприняты и французскими масонами, которые стали активными участниками Великой французской революции. Сегодня ни для кого не секрет, что Дантон, Мирабо, Ларошфуко, Марат, Робеспьер, Камиль Демулен и многие, многие другие были масонами. Да и сами масонские организации спустя много лет признали, что это их заслуга в том, что революция совершилась. Накануне празднования столетия революции Большой совет Великого востока Франции напра-

вил всем связанным с ним ломам циркуляр, где, в частности, говорилось: «Масонство, подготовившее революцию тысяча семьсот восемьдесят девятого года, должно продолжать свою работу».

Ловкие пальцы легкими касаниями вытаскивали на экран все новые и новые свидетельства:

– Под масонскими лозунгами «Свобода. Равенство. Братство» она и произошла.

– Вот как интересно! – воскликнула Марина Затейкина, разглядывая площадь.

Олег Мировой же сосредоточенно молчал. Ему очень хотелось возразить. Но он чувствовал, что пока ему сказать было нечего.

– Ну, это говорят и пишут сами масоны, – заметила Бобриня. – Им очень, может быть, хочется быть значительней, чем они есть на самом деле.

– Ну, почему же только масоны говорят? – живо откликнулась Бархатова. – И их жертвы, которые много лет не подозревали о том, что происходило у них под носом. Они думали, что масоны играют в игрушки, что они просто развлекают публику, устраивая костюмированные вечеринки и разные мистические сборища. Королева Мария Антуанетта, павшая на эшафоте во время этой самой революции, устроенной масонами, писала своей сестре Марии Христине... Сейчас найдем, что она писала тогда, несчастная дурочка... Ну, вот, пожалуйста. Письмо от двадцать седьмого февраля тысяча семьсот семьдесят первого года. Как видите, сохранилось: «Мне кажется, вы придаете слишком много значения масонству во Франции; оно далеко не играло у нас такой роли, как в других странах, благодаря тому, что здесь все к нему принадлежат и таким образом нам известно все, что там происходит. В чем же вы видите опасность? Я понимаю, что можно было бы опасаться распространения масонства, если бы это было тайным политическим сообществом, а ведь это общество существует только для благотворительности и для развлечений; там много едят, пьют, рассуждают, поют, а король говорит, что люди, которые пьют и поют, не могут быть заговорщиками. Также нельзя масонство называть обществом убежденных безбожников, ибо я слышала, там постоянно говорят о Боге, кроме того там раздают много милостыни, воспитывают детей бедных или умерших членов братства, выдают их дочерей замуж – во всем этом я, право, не вижу ничего дурного...»

– А теперь еще одно письмо, написанное уже через девять лет: «Прощайте, дорогой брат, верьте нежности вашей несчастной сестры. Главное, остерегайтесь всякого масонского сообщества. Этим путем все здешние чудовища стремятся во всех странах к достижению одной и той же цели».

– Кстати говоря, – теперь уже вглядывалась в свой гаджет Затейкина, – я нашла! Шестнадцатого октября девяносто третьего здесь казнили и королеву. Да, очень гуманные люди! – поджала губы она...

Грубо, потому что смущен, вступился за своих французских братьев Мировой:

– В конце концов, Великая французская революция продвинула Францию вперед. Так что масоны, несмотря на все, что вы о них говорите, сыграли прогрессивную роль!

– Одно слово – «Париж стоит обедни», – съязвила Бархатова.

– Об истории Французской революции написано множество книг, в которых все, как кажется, расписано по минутам. Однако, как ни странно, все равно остаются тайны. Смерть короля. И то, как он попал сюда на эшафот, тоже до конца не проработанный, но очень интересный вопрос, – вступил в свои права гид Мишель.

– А что же тут таинственного? Его приговорил Конвент, – заметила Бархатова.

– В том-то и дело, что король оказался на эшафоте против мнения Конвента. Сейчас появились новые исследования, которые говорят о том, что четырнадцать голосов при голосовании были подложными. Вот так вот! И это при том, что сторонники казни получили всего на один голос больше. И подозревают в этом подлоге никого иного, как масонов, которые фальсифицировали голосование.

Пока идет этот безнадежный разговор, Олег Мировой ловит в себе какие-то странные, причудливые ощущения. Во-первых, ему кажется, что он уже когда-то стоял на этом месте. В каком-то другом измерении. И еще в его сознании появляется картинка: кругом – колена-преклоненные в каре ряды солдат в старинных, времен войны восемьсот двенадцатого года, мундирах. Он видит амвон, священников, образа. А вокруг – толпы французов. Еще он видит странных воинов на конях – это, несомненно, казаки с пиками. И в овчинах – калмыки с плоскими бурыми лицами и маленькими глазами. А также вооруженные луками башкиры и какие-то кавказские воины в блестящих кольчугах... Он видит эти неясные тени. Они окружают его. Реальнее, чем сама реальность.

– А в память о жертвах революции в тысяча восемьсот четырнадцатом году, когда русские войска заняли Париж, здесь был отслужен грандиозный молебен, на котором присутствовал Александр Первый, – продолжал свой рассказ Мишель то ли Безухофф, то ли Бездухофф.

* * *

Последний пункт их экскурсии – тюрьма Консьержери. Грозный боевой замок посреди Парижа на набережной Сены они посетили уже после усыпальницы Сен-Дени, где долго стояли у двух фигур. Короля в короне и мантии со сложенными руками. И королевы.

Так что мрачные кельи-камеры Консьержери их уже особо не удивили. Ну что ж, тюрьма она и есть тюрьма. Каменный пол. Дубовая кровать. Грубый стол. Стул. Коврик.

Удивил разве что низкий дверной проем. Гид пояснил:

– Так низко сделали его по приказу Робеспьера. Он специально издал по этому поводу декрет. Хотел, чтобы гордая австриячка Мария Антуанетта кланялась, выходя и входя сюда. Правда, спустя год он сам попал в эту камеру. И разбил себе лоб об эту притолоку!

– Не рой яму другому! – прошептала на ухо Олегу Марина.

Вспомнили слова о том, что Мирабо и Робеспьер были иллюминатами. И о том, что всякая революция первыми пожирает своих детей. Бархатова покопалась уже не в айфоне, а в своей обширной памяти и рассказала о том, как глумились в последние дни перед казнью над павшей королевой:

– Когда она находилась здесь, у нее начались месячные. И «добрые» тюремщики не дали ей даже лоскутка. А все парижские бабы – кабатчицы, судомойки, шлюхи издевательски судачили, обсуждая судьбу несчастной жертвы: «Посмотрите, она такая же, как и мы! Она потекла...» Никто не пожалел женщину, которая готовилась умереть на эшафоте. Какой гуманизм со стороны масонов!..

– Ну, не все они были такими! – милостиво заступилась за вольных каменщиков Бобринина. – Я их не люблю. Но, как говорится, истина дороже. Многие из тех, кто сам был членом лож, не знали даже о тайной деятельности, которая велась в них. Герцог Орлеанский более двадцати лет был великим мастером Великого востока Франции. А когда узнал, что творилось у него под носом, отрекся от своих взглядов. Вот посмотрите, что он написал:

– Ну-ка, зеркальце, скажи да всю правду доложи нам о герцоге. А, вот. Пожалуйста: «Я поступил в масонство, которое явилось для меня залогом равенства, в такое время, когда никто не мог предвидеть нашей революции», – так, пропустим. Вот: «...Но с тех пор мне пришлось оставить эти мечты и обратиться к действительности. Не зная, из кого состоит Великий восток, я считаю, что республика, особенно при самом своем возникновении, не должна терпеть ничего скрытого, никаких тайных обществ. Я не хочу иметь более ничего общего ни с неизвестным мне Великим востоком, ни с собранием масонов». Масоны его не простили. И вскоре он оказался на эшафоте перед гильотиной.

– Да, Луи-Филипп Орлеанский, последний перед революцией великий мастер масонов, друг Дантона, сторонник свободы, равенства, братства, человек, сам голосовавший за смерть короля, – завершил заупокойную речь Мишель, – был казнен.

Его последним желанием было выпить две бутылки шампанского...

V

После напряженного экскурсионного дня в Париже народ старался расслабиться. Для этого на корабле куча баров. И в каждом наливают. Да не один раз. Так что можно так намотаться, что мама не горюй!

Раньше Олега удивляла и раздражала манера европейских спутников часами сидеть в барах, потягивать коктейли и болтать. Видя их, он с раздражением думал: «Ну, о чем можно часами молотить языком?»

А теперь он сам стал частенько задерживаться в большом музыкальном салоне лайнера, чтобы посидеть, поговорить. Вот и сегодня он не торопился после ужина в каюту. А просто спустился в пестро украшенный салон с «ползающими по потолку» похожими на крылатых жуков ангелочками. Нашел себе место у окошка.

Проходя мимо закрытых, с высокими подголовниками, кресел, он случайно услышал разговор на русском. И узнал голоса. Это были Бобрин и Бархатова. И, судя по всему, они перемывали косточки. Ему. Бобрин выговаривала Бархатовой:

– Машенька, ты что так ожесточилась, прямо пылаешь вся? Масоны, не масоны. У меня такое ощущение, что ты прямо давишь на всех. И особенно на такого милашку Олега Павловича! С чего ты на него взъелась?

– Мне кажется, что он масон!

– Ну и что, если масон?

– Неприятные они люди! Двуличные какие-то. Взрослые дяденьки. А все играют в какие-то тайные общества, наряжаются. Пароли.

– Ну, мужчины всегда мальчишки. Почему бы не поиграть в масонов?

– Ох, Мария Степановна! Иногда такие игры заканчиваются очень плохо. И не только для окружающих, но и для тех, кто в них заигрывается.

– Наш Олег Павлович не из таких! При всех его закидонцах все равно чувствуется в нем какой-то стержень. Только он как-то не проявлен, этот стержень.

– Странный он, не женатый. Бездетный.

– Но он же был женат. Сам говорил.

– Может, нечем заняться по-настоящему. Вот и забавляется.

«И чего она, действительно, взъелась на меня?» – подумал Мировой. И решил выйти из тени:

– Здравствуйте, девушки! К вам можно подсесть?

– Всегда пожалуйста! – улыбнулась Бобрин.

А вторая «М» срочно поменяла тему:

– Вот так всегда, – сказала она, отпивая маленькими глотками черный крепкий кофе. – Европейцы отблагодарили нас за освобождение от наполеоновского диктата тем, что заразили нашу молодежь масонскими идеями, которые едва не разрушили Россию.

– Это вы, милочка, о декабристах? – полувопросительно-полуутвердительно заметила Бобрин.

– А о ком же еще?!

– В первый раз такое слышу! – удивился, подхватывая разговор, Мировой.

– А что ж тут удивительного? У нас реальная версия истории каждый раз меняется с приходом новой власти. В советское время, когда превозносилось все революционное, никто и не

рисковал утверждать, да и не принято это было, что события на Сенатской площади в тысяча восемьсот двадцать пятом году – результат масонского заговора. Как и во Франции!

– Удивительный подход! – заметил в очередной раз слегка уязвленный таким заявлением Олег Павлович. – У нас что не так пошло – масоны виноваты. Но вы, наверное, все-таки знаете, что масонство в России постоянно подвергалось гонениям. Так что такие заявления звучали и тогда. Да и сейчас: «Масоны проклятые виноваты!»

– Ну почему же во всем? Во вступлении на престол династии Романовых они не виноваты. Их тогда еще не было. А вот к ликвидации Романовых они руку приложили.

– И в этом тоже! – Мировой сказал это резко и даже поставил свой стакан с коричневой колой со льдом так, что чуть не расплескал.

– Ну, это только потому, что ложи у нас возникли во времена Петра. Иначе и Романовых бы не было. Поговаривают, только поговаривают, что и сам Петр был посвящен в масоны. Но документов не сохранилось.

В эту минуту Мировой вспомнил Кронштадт, где он служил. Вспомнил старинное желто-белое здание, где находилось командование военно-морской базы. Дубовая дверь, возле которой с обеих сторон, как невиданные плоды, стояли две морские рогатые мины. А самое главное, он вспомнил зал, в котором на мозаичном полу была выложена пентаграмма – знак того, что здесь действительно располагался штаб вольных каменщиков. Да, действительно, там они и заседали. В Кронштадте.

– И соратники Петра Первого были, возможно, тоже братьями, – отвечает он. – Во всяком случае, наш флот полностью был скопирован с западных образцов. А стало быть, и масонство могло прийти отсюда. И вообще на флоте масонство, как говорят архивные данные, было очень даже развито. В разное время вольными каменщиками были шестьдесят два адмирала. Это не мешало им быть храбрыми флотоводцами и выдающимися командующими.

– Ой ли? Есть такая история, что когда эскадрой на Балтийском флоте командовал адмирал-масон Самуил Грейг, он во время войны со шведами повел себя предательски. Приказал во время стычки не стрелять по шведскому флоту. А когда его подчиненные нарушили приказ и дали залп, то наш адмирал направил шведскому свое письмо с извинениями. А, каково?! Вот что такое масонская солидарность. Оказывается, масонские клятвы выше воинского долга перед страной, – закончила Мария номер два.

Олег даже разозлился: «Да что эти тетки промывают мне мозги!?! Сами-то они кто такие?»

А «тетка» тем временем стала рассказывать еще одну историю о масонах минувших дней:

– Странная история произошла в конце девятнадцатого века. Как известно, Россия продала Соединенным Штатам Америки Аляску. Оплата золотом была погружена на корабль военно-морских сил США «Оркней» и отправлена из Америки в Петербург. Это была гигантская сумма. Семь миллионов двести тысяч долларов. Курировал доставку морской министр и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Он же был и масоном, посвященным в Англии по шотландскому обряду.

«Оркней», набитый золотом под завязку, пропал без вести в Балтийском море. Исчезла и вся команда. А у исследователей зародилось большое подозрение: почему корабль шел один, без сопровождения?! Куда делись люди?! Обломки? А может, «русское золото» никогда и не покидало пределов США? И его получили американские братья-масоны? А масон-адмирал Константин Романов знал обо всем этом и участвовал? Вот вам и еще пример, когда долг перед государством отступает, возможно, перед долгом масонским?

– Ну, это как-то уж чересчур... – вяло отозвался по этому поводу Мировой.

– Ты уж точно слишком сгущаешь краски! – поддержала его Мария Степановна Бобринина. – Прямо какая-то теория заговора сплошная. Во всем виноваты масоны...

– Жидомасоны! – усмехнулся Олег.

Но Бархатова не сдавалась. Видно, что-то ее грызло. И она, глядя прямо в глаза Мировому, сказала:

– Ведь клянутся же братья такими страшными словами: «Пусть гортань моя будет перерезана, язык мой исторгнут, и тело мое, на части рассеченное, предано на съедение псам и хищным птицам или сожжено, а прах мой пусть будет развеян без погребения по воздуху, и самая память моя пусть будет мне всегдашним поруганием и гнусным для потомства примером». А его товарищ добавляет при этом: «Чтобы у живого меня сердце мое исторгнуто, ежели я измену сделаю, было». А мастер еще подсыпает перцу: «Да буду я живой в гроб положен и брошен в пространное море».

– Ну, скорее это такая фигура речи, чем реальная угроза. Тем более в наше время! – парировал Олег Павлович.

– Почему же фигура речи? – продолжила Бархатова. – Ведь повесили же итальянские масоны своего банкира прямо под лондонским мостом?..

За столом повисла тишина. Вроде так болтали о том о сем, как приличные люди, и тут начали говорить о вещах неприятных и опасных. Зачем же так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.